

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.А. Бронзов

**Архимандрит Иерон,
настоятель Ново-Афонского
Симоно-Кананитского монастыря
(+14 августа 1912 г.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 3. С. 325-349.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](http://creativecommons.org/licenses/by-nd/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Архимандритъ Іеронъ, Настоятель Ново-Аөонскаго Симено-Кананитскаго монастыря

(† 14 августа 1912 г.).

КОГДА въ 1909 г. происходилъ извѣстный монашескій съездъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, тогда по всей Руси святой прогремѣло имя отца Іерона—одного изъ участниковъ иноческаго синклита. Старый, согбенный лѣтами, удрученный многочисленными житейскими заботами, трудами, невзгодами..., онъ непреклонно отстаивалъ чистые иноческіе интересы, не боясь никого и ничего, не смущаясь, смѣло, твердо..., съ энергіею юношескою, голосомъ мужественнымъ. «На человѣка не зрѣль»... Казалось, всталъ изъ гроба одинъ изъ древнихъ представителей великаго иночества первыхъ христіанскихъ вѣковъ, временъ — преподобныхъ—Антонія Великаго, Макарія Египетскаго, Пахомія Великаго и т. под. Вниманіе всей Руси родной приковалось къ старцу. Всѣ почуяли въ немъ что-то близкое-близкое, дорогое, безцѣнное, чуждое лести, лицемѣрія, незнакомое съ искательствомъ... Всѣмъ ясно было, что ново-аөонскаго старца ничѣмъ не подкупить, съ позицій не сбить..., что его нельзя устрашить никакими угрозами, что онъ видѣтъ предъ собой только одного Христа и готовъ исповѣдывать Его и словомъ, и дѣломъ... и только Его..., — что виѣ Христа и Христовыхъ заповѣдей для него ничего не существуетъ... Да, за такимъ великимъ мужемъ,—думалось,—можно смѣло слѣдоватъ всюду, идти твердо, безъ смущенія. И чѣмъ рѣже такія чудныя лица встрѣчаются въ наше печальное время, въ эпоху нынѣшней расшатанности духовной, современаго нравственнаго одича-

ния, повсюдного фарисейства нашихъ дней..., тѣмъ болѣе они дороги, тѣмъ болѣе хочется на нихъ любоваться, ими восторгаться, восхищаться, брать ихъ себѣ въ примѣръ, въ образецъ...

Я лично крайне заинтересовался, — помню, — гигантскою духовною личностью этого участника иноческаго съѣзда,— отцомъ Іерономъ, звавшимъ всѣхъ къ древне-христіанскому монашескому идеалу, нынѣ часто-часто скрытому подъ всевозможными наслоеніями иногда далеко не-иноческаго склада... Очень хотѣлось увидѣть старца, низко-низко ему поклониться, получить отъ него благословеніе и... побесѣдоватъ съ нимъ. Но—увы!—желаніе такъ и осталось однимъ только желаніемъ. Попасть на Новый Аѳонъ не удалось..., а между тѣмъ доблестный вождь иноковъ Симоно-Кананитской обители, ко всеобщему сожалѣнію, скончался..., мирно опочивъ о Господѣ... Но, если мнѣ не удалось лично познакомиться съ живымъ—о. архимандритомъ, то я рѣшилъ собрать о немъ возможно-полныя свѣдѣнія хотя бы теперь, послѣ его блаженной кончины, чтобы всесторонне уяснить себѣ его духовный обликъ и извлечь для себя, а можетъ быть—и для другихъ хорошіе—назидательные уроки. Я обратился съ просьбою къ одному изъ иноковъ Ново-Аѳонскаго монастыря, бывшему, по дѣламъ этой обители, въ С.-Петербургѣ, къ о. іеродіакону ¹⁾ Патрикію (обычно живущему на рыбныхъ монастырскихъ промыслахъ въ «Кумбашахъ», Бакинской губерніи, Ленкоранскаго уѣзда, на Каспійскомъ морѣ). Крайне любезный и предупредительный о. Патрикій быстро устроилъ дѣло, и я получилъ изъ Ново-Аѳонскаго монастыря и печатный, и, что особенно для меня цѣнно, рукописный материалъ до автобіографическихъ записокъ почившаго о. Іерона включительно. Все, что мнѣ нужно, отнынѣ у меня въ рукахъ,—особенно если присоединить сюда тотъ книжный материалъ, какой имѣется въ столицѣ и находится въ какомъ-либо отношеніи къ характеризуемой мною выдающейся личности ново-аѳонскаго дѣятеля нашихъ дней ²⁾...

¹⁾ Нынѣ о. іеромонаху.

²⁾ Впрочемъ, печатный материалъ имѣль для насъ почти исключительно побочное лишь значеніе. Нашъ очеркъ опирается по возможності всюду на материалъ рукописный (въ существенномъ)... (ср. объ этомъ и ниже)...

Когда я разсматриваю фотографические снимки, прислан-
ные съ Новаго Аеона, то невольно поражаюсь красотою и
грандіозностью этой обители. Величественный «верхній мона-
стырь»—сплошное великолѣпіе... Не оторвалъ бы отъ него и
своихъ глазъ! «Видъ древняго храма св. Ап. Симона Кана-
нита» переносить Вашу мысль далеко-далеко назадъ..., ко
временамъ Самого Господа, избирашаго Своихъ Апостоловъ...,
которые, затѣмъ, разсѣялись по «вселенной», чтобы уловить
ее въ сѣти Христовы, и заплы даже и въ заброшенную, дикую
Абхазію... О, сколь священно это мѣсто, скрывающее останки
великаго Господня Ученика! «Часовня и древняя башня на
вершинѣ Иверской горы»... Башня напоминаетъ о многомъ—
многомъ изъ сѣдой старины... А часовня своимъ положеніемъ
и своею конструкціею уносить Вашу мысль вверхъ — къ
Богу. «Видъ съ озера на часовню у пристани» — нѣчто въ
высшей степени волшебное и восхитительное! А «кипарисовая
аллея къ храму» св. Ап. Симона? А такая же «аллея, веду-
щая къ обительскому саду», — «кипарисовая» же по бокамъ
дороги къ «верхнему монастырю», — «озеро и фонтанъ», —
«видъ острова и домика на озерѣ», — «водопадъ», — «монастыр-
ская пасѣка», — «пальмы въ лимонномъ саду», — «фонтанъ
близъ церкви св. Симона», — «озеро за водопадомъ», — «вино-
градники»..., — множество монастырскихъ зданій,—пристань,
«дороги»?.. Все это говорить о массѣ труда, энергіи, ума...,
вложенныхъ здѣсь человѣкомъ, преодолѣвшимъ невѣроятнѣй-
шія трудности, поставленные ему на дорогѣ самою приро-
дою... Тамъ, гдѣ такъ еще недавно были—непроходимая глуши,
пустыня, старыя развалины..., — нынѣ — чудный райскій садъ
съ великолѣпными Божіими храмами, оглашаемый ангелопод-
обнымъ восхваленіемъ Творца и Бога... Все благоустроено,
все благоукрашено... Все предусмотрѣно, разсчитано мудро,
осторожно... Потребовалось срѣзать гору, свершить этотъ ги-
гантскій трудъ, — человѣкъ не остановился и передъ такимъ
подвигомъ... Смѣтрите на всѣ эти «виды»... и проникаетесь
безконечнымъ удивленіемъ и восхищеніемъ... Но кто же,—
спросите, — вложилъ во всѣ эти чудеса свой умъ, свой та-
ланть, энергію, любовь?.. Кто этотъ волшебникъ, превратив-
шій дикій край въ небесное жилище?.. На эти вопросы, не-
вольно возникающіе при созерцаніи чудныхъ ново-аеонскихъ
видовъ, отвѣчаютъ мнѣ три фотографическихъ карточки, изоб-
раждающихъ одно и тоже лицо — о. Иерона, архимандрита но-

вой обители — этой жемчужины русской на Кавказѣ. Предъ столомъ, заваленнымъ дѣловыми бумагами, сидѣть съ перомъ въ рукахъ старый-старый иночъ, худенький, изможденный... и о чёмъ-то думаетъ, что-то соображаетъ... При видѣ его—этого скромнѣйшаго на видъ старца въ подрясникѣ—трудно и представить себѣ, что вотъ онъ-то и есть искомый нами волшебникъ — воплощеніе ума, энергіи, преданности Христу и Его святой Церкви... А между тѣмъ это — такъ. Онъ сидѣть и, быть можетъ, обдумываетъ какое-либо сооруженіе: какую-либо плотину, мельницу..., тѣмъ болѣе, что сзади его на стѣнѣ висятъ всякия хозяйственныя и т. под. приспособленія, орудія... На другой карточкѣ о. Іеронъ сидѣть, видимо, въ своей моллной, склонивъ голову внизъ и глубоко задумавшись..., видимо погрузившись весь въ молитву... Божіей Матери, цѣлителю Пантелеимону..., изображенными на св. иконахъ. И лишь на третьей онъ — въ «игуменскомъ» своемъ одѣяніи и съ жезломъ въ правой рукѣ... Но и здѣсь, несмотря на внушительныя регаліи на груди о. архимандрита, — его добрые-предобрые глаза сразу же показываютъ, что за человѣкъ предъ Вами...

Въ самомъ дѣлѣ, что же это за человѣкъ?!

I. До Аеона.

«Мірское»¹⁾ имя о. архимандрита Іерона было — Иванъ Васильевичъ Васильевъ²⁾. Родился онъ въ 1835 году. Мѣсто

¹⁾ Отсюда дальнѣйшая рѣчь наша ведется по руководству рукописныхъ автобіографическихъ набросковъ о. Іерона.

²⁾ Въ „Душеполезномъ Собесѣдникѣ“ (изд. „Аеонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря“; 1912 г., декабрь; выпускъ 12-й; Москва) сказано, что фамилія о. Іерона „въ міру“ была „Носовъ“ (стр. 396; статья: „Памяти почившаго старца архимандрита Іерона, игумена Ново-Аеонскаго, Симено-Кананитскаго монастыря, на Кавказѣ“), о чёмъ ни слова въ автобіографіи его. Статья этого журнала объ о. Іеронѣ разногласитъ съ автобіографіей и въ другихъ отношеніяхъ: а) годомъ рожденія знаменитаго старца въ статьѣ называется не 1835-й, а 1829-й (*ibid.*); б) говорится, что купецъ, у котораго о. Іеронъ жилъ въ столицѣ до поступленія въ монастырь, будто бы „хотѣлъ выдать за него свою единственную дочь“... (*ibid.*), о чёмъ автобіографія молчить; в) она не знаетъ ничего и объ „юродивомъ Иванушкѣ“, который будто бы еще „въ домѣ родителей“ о. Іерона предсказывалъ, что послѣдній „будетъ на Аеонѣ, на Кавказѣ, гдѣ станетъ церкви строить, мельницы, корпуса“... (*ib.*); автобіографія говоритъ въ данномъ случаѣ о другомъ „юродивомъ“ (повидимому)—Кузьмѣ, жившемъ у хозяина о. Іерона въ С.-Петербургѣ...

родины — деревня Большое Лоходомово, Костромской губерніи, Буйского уѣзда, Кантіевской волости. Родители — государственные крестьяне — Василій и Епистимія. Послѣдняя была второю женою Василія. Отъ первой остался сынъ Кузьма. Отъ второй родились: пять сыновей — Василій, Иванъ, Михаилъ, Павелъ, Иванъ и дочь Пелагія. Младшимъ въ семье былъ Иванъ 2-й, называвшійся, въ отличіе отъ старшаго, просто малымъ. Малюткѣ исполнилось всего лишь два съ половиной года отъ роду, какъ отецъ его умеръ. На рукахъ вдовы осталось семь человѣкъ дѣтей. Матеріального достатка не было. Въ условіяхъ нужды, иногда принимавшей острый видъ, приходилось малышамъ рости и готовляться къ жизни... Всѣмъ, кому случалось бывать и живать въ русской деревнѣ, особенности крестьянского быта, конечно, хорошо извѣстны.

Главою семьи, по смерти отца, сталъ, разумѣется, старшій сынъ — Кузьма, человѣкъ вспыльчивый, строгій... Шутить не любилъ. Жить съ нимъ было очень и очень тяжело..., но мириться, конечно, волей-неволей приходилось...

Отецъ Іеронъ вспоминаетъ, что уже семилѣтнимъ малышемъ онъ долженъ былъ забыть о дѣтскихъ играхъ и забавахъ, столь свойственныхъ этому возрасту и столь для послѣдняго естественныхъ. Малому Ивану приходилось въ ту пору своей жизни не гулять на улицѣ и не играть вмѣстѣ со своими сверстниками и подобно имъ, а наравнѣ съ прочими взрослыми постоянно быть при какомъ-нибудь дѣлѣ, посильномъ для него, для его дѣтского организма. Лѣтомъ съ утра до вечера собиралъ въ лѣсу грибы или сдирали съ ракитника кору для продажи на кожевенные заводы или съ березъ кору для дегтярного производства. Зимой прядъ куделю для толстаго холста, идущаго на мѣшки и другія, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ, вещи. Словомъ, все время проходило за дѣломъ. О праздности не было и помину. Уже въ тѣ дѣтскіе годы постепенно вырабатывался серьезный взглядъ на жизнь, на жизненные задачи...

Богомольная мать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ любила ходить въ церковь ближайшаго села Рябцева. Брала съ собой и маленькаго Ваню. А церковь, — нужно замѣтить, — находилась въ разстояніи отъ Лоходомова въ 8 верстахъ. На пути лежалъ перелѣсокъ и находилось нѣсколько рѣчекъ. Домашнія обстоятельства иногда задерживали мать и не дозво-

ляли идти въ Рябцево. Отпускать одного малыша за 8 верстъ было, конечно, нѣсколько рискованно: могъ утонуть, могъ заблудиться въ лѣсу... Но всякий знаетъ, что крестьянскія дѣти съ малыхъ уже лѣтъ ко всему привыкаютъ и всюду могутъ ориентироваться, всюду найдутся—какъ поступить, куда идти... Ваня, посему, стала просить свою мать не задерживать его дома въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама не могла идти въ церковь, и отпускать его одного къ обѣднѣ: онъ-де и дорогу знаетъ, и достаточно остороженъ... Мать дала свое согласіе. И вотъ онъ, вставъ раненько, отправлялся въ путь съ маленькимъ колобкомъ въ пазухѣ. Иногда были попутчики, а иногда шелъ одинъ... и всегда приходилъ въ Рябцево задолго до звона и затѣмъ за церковною оградою ожидалъ начала службы. По окончаніи литургіи, выходилъ изъ церкви и, не останавливаясь, возвращался домой. Дорогою за селомъ, вынувъ изъ-за пазухи колобокъ, съѣдалъ его,—а придя домой, обѣдалъ...

Ванѣ очень хотѣлось учиться грамотѣ... Но уже учился старшій предь нимъ братъ. А одновременно учить обоихъ было для матери обременительно... Учитель, просвѣщавшій деревню, былъ, конечно, изъ простыхъ лишь грамотѣевъ, каковыхъ въ тѣ времена въ глухи встрѣчалось очень и очень немного и каковыми, посему, дорожили. А школъ въ родѣ нынѣшнихъ тогда не было и въ поминѣ. Нашъ учитель взималъ по пяти рублей на ассигнаціи съ каждого мальчика въ зиму. За двоихъ, слѣдовательно, пришлось бы платить десять рублей на ассигнаціи, что составляло на серебро цѣлыхъ три рубля. А три рубля для того времени и особенно для бѣдной и многочисленной семьи были деньги большія. Ими моя мать, разумѣется, не располагала... Въ нашемъ селѣ училось семь мальчиковъ, между ними и мой братъ Павель. Такъ какъ особаго школьнаго зданія не было, то обученіе происходило въ домахъ учениковъ. Учитель приходилъ въ избу одного изъ своихъ семи школьноровъ, куда собирались и прочіе ученики, и здѣсь велъ свое дѣло въ теченіе недѣли. На слѣдующую недѣлю преподаваніе переносилось въ домъ другого ученика и т. д. По истеченіи семи недѣль повторялся прежній порядокъ... Седьмая недѣля обычно приходилась на нашъ домъ, разсказывалъ Ваня. Я, говорилъ онъ, всегда радовался, когда учились у насъ, потому что чему либо могъ научиться и самъ, научиться хотя бы контрабандой, такъ какъ учиться съ другими я не имѣлъ права безъ предварительнаго взноса условленной за обученіе

платы. Какъ уже сказано, Ваня зимой всегда занимался пряжей кудели для толстаго холста. Ежедневно онъ долженъ былъ напрясть определенное количество нитокъ и вечеромъ показывалъ результаты своего дневного труда, такъ сказать, сдавалъ экзаменъ, отдавалъ отчетъ... И вотъ, когда мальчики учились въ нашемъ домѣ,—говорилъ Ваня,—я въ теченіе всей недѣли неотлучно сидѣлъ за своею пряжею позади школьнаго и съ большимъ вниманіемъ вслушивался въ то, чмъ они учились. А какъ только учитель за чѣмъ либо, бывало, выйдетъ изъ избы, хотя бы на самое малое время, я, не пропуская секунды, подбѣгалъ къ учившимся и упрашивалъ ихъ показать мнѣ что-либо изъ азбуки. Спрашивалъ ихъ: какая буква—азъ, какая—буки, какая—глаголь, какая—добро и т. д.? Мальчики охотно показывали, торопясь, пока не вернулся учитель,—и какъ только отворялась дверь, я моментально садился за свою работу. Впрочемъ, иногда учитель, случалось, замѣчалъ, что школьнаги занимались со мною. Тогда онъ строго взыскивалъ съ нихъ за самовольство и за потерю времени. Ученѣе продолжалось только зимою: съ «Покрова» или даже и съ болѣе поздняго времени и до Пасхи. Что могли ученики узнать за это время, то зналъ и я. Во времѧ праздниковъ и въ воскресные дни охотно показывалъ мнѣ мой братъ, какъ могъ и что зналъ самъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ желанія учиться, учился плохо, а за лѣто забывалъ и то, что успѣлъ узнать зимой, такъ что въ концѣ концовъ мнѣ же приходилось учить его и заставлять его повторять то, что онъ училъ въ истекшую зиму. Не умѣлъ онъ пользоваться представившимся ему счастьемъ—учиться. А я, понемногу кое чмъ научившись,—насколько могъ, читалъ въ свободное время книги, какія оказывались подъ рукою въ деревнѣ,—но съ тѣмъ вмѣстѣ не оставлялъ и ежедневныхъ обычныхъ работъ, выпадавшихъ на мою долю.

Когда мнѣ шелъ 12-й годъ,—пріѣхалъ изъ Питера мой братъ Василій, умѣвшій не только читать, но и писать. Это меня крайне заинтересовало. Мнѣ очень хотѣлось узнать, какъ пишутъ... Я просилъ своего брата поучить меня письму, но, къ сожалѣнію, въ нашемъ домѣ не имѣлось ни бумаги, ни чернилъ. Впрочемъ, бѣду кое-какъ поправили: чернила сдѣлали изъ сажи, перо нашлось куриное; отыскали у сосѣдей и три листа простой писчей бумаги. Братъ принялъся за обученіе. Были исписаны всѣ три листа, на чмъ дѣло и остановилось.

по необходимости, но нѣкоторый успѣхъ все же былъ, конечно, достигнутъ.

Семья наша, какъ и сказано уже, была довольно велика. Я былъ еще малъ для тяжелыхъ полевыхъ работъ..., и толку отъ меня оказывалось не много. Посему мать и отдала меня на 12-мъ году одному родственнику съ тѣмъ, чтобы онъ отвезъ меня въ Питеръ и тамъ или оставилъ бы у себя, или передалъ бы кому-либо другому... Все чему-нибудь да научился бы я, а главное—дома лишній ротъ не требовалъ бы хлѣба. Мать любила меня больше другихъ своихъ сыновей и не скрывала этого. За то ей приходилось часто выслушивать укоры отъ пасынка, бывшаго въ семьѣ, какъ и сказано, за «старшѣго». На работу-де насть мало, попрекать онъ, а за столъ садится много. Вотъ, чтобы утолить братній гнѣвъ, меня и послали въ столицу...

Взявшій меня съ собой родственникъ, по пріѣздѣ въ Питеръ, не оставилъ у себя, а отдалъ въ желѣзную лавку въ услугеніе безъ всякаго за то жалованья и, при томъ, на четыре года, лишь бы кормили меня, да одѣвали. Мой небогатый хозяинъ, по истеченіи года, долженъ былъ прекратить свою торговлю и передалъ меня другому хозяину на тѣхъ же условіяхъ. Съ моими личными чувствами, конечно, не справлялись, да и считали излишнимъ дѣлать это. Другой—новый хозяинъ былъ, въ свою очередь, тоже не изъ богатыхъ, но торговое дѣло велъ честно. Во всѣ праздничные и воскресные дни запиралъ свою лавку и со всѣми своими домашними ходилъ къ литургіи неопустительно. Это мнѣ нравилось въ высшей степени.

У своего нового хозяина¹⁾ я прожилъ три года. Онъ былъ уже старъ и самъ былъ почти уже неспособенъ къ торговлѣ. Во всемъ полагался на своего приказчика, жившаго у него давно (былъ когда-то взять еще мальчикомъ), да и бывшаго землякомъ, слѣдовательно, до нѣкоторой степени близкимъ человѣкомъ. Но вотъ этотъ приказчикъ почему-то сталъ капризничать и даже оскорблялъ своего хозяина, его облагодѣтельствовавшаго. Изумленный хозяинъ сталъ дѣлать ему замѣчанія, а приказчикъ, въ отвѣтъ на послѣднія, началъ требовать раз-

¹⁾ По словамъ „Петербургскаго Листка“, это былъ купецъ, торговавшій во „Введенскомъ рынке“ (1912 г., № 225 за 17-е августа; статья: „Архимандритъ от. Геронѣ“—В. П—ва)...

счета и заявил, что жить у него больше не желаетъ. Послѣ неоднократныхъ столкновеній, выведенныи изъ терпѣнія хозяинъ, наконецъ, разсчиталъ приказчика и приказалъ мнѣ занять его мѣсто, т. е., быть въ лавкѣ за старшаго. А какимъ я могъ быть старшимъ, когда мнѣ было еще только какихъ-либо 14 лѣтъ (здѣсь въ автографѣ, вѣроятно, ошибка: Ваня на 12-мъ году уѣхалъ въ СПБургъ; здѣсь прожилъ годъ у одного хозяина и три года у другого, послѣ чего ему было предложено мѣсто старшаго приказчика; Ванѣ было лѣтъ 15 по мѣньшей мѣрѣ,—шелъ 16-й годъ)... Но, сколько я ни отказывался отъ предлагаемаго мнѣ старшинства, все было напрасно: хозяинъ заставилъ меня быть главнымъ его приказчикомъ, между тѣмъ какъ помощниками моими оказались приказчики, много меня старши. И такъ, все было довѣрено мнѣ. Самъ хозяинъ въ такой степени полагался на меня, что въ тѣхъ случаяхъ, когда бралъ изъ выручки деньги, говорилъ мнѣ, сколько онъ взялъ...

Въ такомъ положеніи я прожилъ 15 лѣтъ. Сдѣлался за это время, такъ сказать, вполнѣ своимъ у хозяевъ. Люди посторонніе не хотѣли и вѣрить, что я—чужой хозяину человѣкъ, а не сынъ. Въ теченіе этого времени положеніе мое, какъ главнаго приказчика, заставило меня вести книги. И я понемногу научился писать, помимо всякихъ грамматикъ,—какъ Богъ помогъ, просто самоучкой.

Изъ пережитаго мною за то время помню, между прочимъ, слѣдующее. На 14-мъ году своей жизни, познаю—какъ, я привыкъ непрестанно творить про себя Иисусову молитву,—и это продолжалось цѣлый годъ. Товарищи, замѣчая, что я постоянно что-то шепчу про себя, прозвали меня шептуною. Но я не открылъ имъ того, что шепталъ, и съ неизмѣннымъ терпѣніемъ переносилъ всѣ ихъ насмѣшки...

Между тѣмъ торговое дѣло шло хорошо. Съ каждымъ годомъ прибыль умножалась. Естественно, что хозяинъ и хозяйка относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ и съ самыми родственными чувствами, опасаясь, чтобы я не перешелъ къ какому-либо другому купцу... Они надѣялись на меня вполнѣ, и я, насколько было то возможно, старался заслужить, оправдывать... ихъ лестное для меня довѣріе...

Однако, хотя я и торговалъ уже давно, но сердце мое совсѣмъ не лежало къ торговлѣ. Мнѣ хотѣлось какого-то иного образа жизни. Но я никакъ не могъ себѣ уяснить, чего

ищеть моя душа... Однажды, въ то время, какъ я раздумывалъ и мысленно спрашивалъ себя: чего мнѣ недостаетъ и почему я никакъ не могу полюбить торговаго дѣла, хотя всѣ меня любятъ и уважаютъ, да и торговля идетъ хорошо, — я вспомнилъ случай изъ дѣтской еще моей жизни. Когда мнѣ было еще только семь лѣтъ отъ роду, моя мать ходила въ монастырь преподобнаго Геннадія ¹⁾ на богомолье и, возвратившись домой, рассказывала о томъ, что видѣла тамъ интереснаго. Между прочимъ, она говорила, что видѣла въ монастырѣ пѣвшихъ мальчиковъ... и слышала ихъ пѣніе. Какъ только я услышалъ о мальчикахъ,—помню,—сейчасъ же спросилъ, что это за мальчики, которые допущены въ церковь обительскую пѣть?.. Мать мнѣ просто сказала: да что-жъ тутъ удивительнаго? Еслибъ вотъ и ты захотѣлъ жить въ монастырѣ, то и тебя нарядили-бы въ черный кафтанъ, длинный-длинный, да опоясали-бы чернымъ ремнемъ. Вотъ и ты сталъ бы такой же, какъ и они—тѣ мальчики. Въ отвѣтъ на слова матери я замѣтилъ, что готовъ поступить въ монастырь. Пошлите меня туда, и я буду жить тамъ. Мать сказала, что теперь Ванѣ еще не время, и на этомъ разговорѣ со мной и прекратила и дальше стала продолжать бесѣду съ чужими, окружавшими ее и разспрашивавшими...

Мой хозяинъ, какъ и сказано уже, былъ человѣкъ старый. Дѣтей мужескаго пола у него не было. Посему былъ принятъ имъ и усыновленъ подкинутый кѣмъ-то къ дверямъ дома мальчикъ—еще младенецъ въ пеленахъ. Это случилось во время ихняго деревенскаго праздника, когда и гости, и хозяева были уже нетрезвы. Какъ только увидѣли они, что къ нимъ подкинути младенецъ, подняли крикъ и, видимо, сильно перепугали младенца, который такъ и остался на всю жизнь заикою и не съ полнымъ разумомъ. Его имя—Кузьма. Онъ жилъ въ Питерѣ, но какимъ-либо дѣломъ, напр., торговымъ, заниматься не могъ. Мнѣ было поручено надзирать за нимъ, чтобы онъ не избаловался. Кузьма и очень боялся меня, и уважалъ. Много было положено труда на то, чтобы дать ему образованіе, но

¹⁾ Это, вѣроятно, „Любимскій Спасо-Геннадіевъ монастырь“, ярославской губ., любимскаго уѣзда, „основанный въ 1505 г. преп. Геннадіемъ, ученикомъ преп. Корнилія Комельскаго“ (см. Л. И. Денисова „Православные монастыри Российской Имперіи“; Москва, 1908 г., стр. 920—921). „Мои преп. Геннадія, обрѣтенный 19 августа 1644 г.“ (а онъ скончался „23 янв. 1565 г.“), „покоится подъ скудомъ“...

безуспѣшно: съ трудомъ могли только выучить его читать, да и то плохо, а писать не могли научить никакъ. На этомъ его образованіе и остановилось. По своему характеру Кузьма былъ страннымъ и непонятнымъ. Постоянно задумывался. Встанетъ, бывало,—задумается и не видѣть, что около него дѣлается. За столомъ во время обѣда или ужина тоже или задумается, или тихо про себя смѣется. Онъ вообще принималъ очень мало пищи и безъ всякой жадности... Смотря на него, я думалъ, что онъ юродствуетъ, чтобы такимъ путемъ скрыть свой духовный подвигъ. Онъ не читалъ никакихъ книгъ, кромъ церковныхъ,—и если, бывало, я иногда стану ему читать что либо изъ житій св. угодниковъ Божіихъ, то онъ всегда слушалъ съ такимъ напряженіемъ, что забывалъ все и готовъ былъ внимать читаемому хотя бы цѣлые сутки,—и внималъ напряженно... Никогда не задремлетъ... Не пропустить, бывало, ни одного воскресенія, ни одного праздника: всегда въ такие дни приходилъ въ церковь къ службѣ. Войдетъ, выберетъ себѣ мѣстечко, гдѣ поменьше народа, станетъ, устремивъ глаза на св. иконы, истово крестится, кладетъ низкіе-низкіе поклоны въ продолженіе всего Богослуженія и не подумаетъ переминаться съ ноги на ногу, чтобы хоть немного отдохнуть отъ продолжительного стоянія,—не сдвинется съ мѣста, весь уйдетъ въ себя, никого не замѣчаетъ изъ стоящихъ около него... По окончаніи службы возвращается домой. Здѣсь ни къ кому не проявлялъ такого расположенія, какъ ко мнѣ, но, съ другой стороны, никого и не боялся такъ сильно, какъ меня же. Не смотря на свою молодость, я серьезно смотрѣлъ на жизнь. И мнѣ очень хотѣлось предохранить Кузьму отъ дурныхъ дѣлъ. Поэтому за всякий неприличный поступокъ я обычно или упрекалъ его, или даже наносилъ ему побои, надѣясь такимъ путемъ не допустить его до повторенія подобныхъ вещей. Всякій разъ, какъ онъ проявлялъ непослушаніе въ отношеніи къ своимъ родителямъ,—а это съ нимъ бывало,—даже и они обычно угрожали ему, что пожалуются мнѣ — Ивану. И этого было достаточно для того, чтобы Кузьма укротился... Для меня онъ такъ и остался какой-то загадкой. Постникъ строгій, подвижникъ—аскетъ...—онъ представлялся мнѣ, какъ и сказано, юродивымъ, но твердо въ томъ я не былъ увѣренъ. Если я наказывалъ его, онъ обычно ничего не говорилъ въ свое оправданіе, а лишь твердилъ: «вотъ все я», повторяя эти слова много-много разъ и всегда выводя меня этимъ изъ терпѣнія.

Но, чтò бы я ни дѣлалъ съ нимъ въ такихъ случаяхъ, онъ и сквозь слезы, бывало, все повторяетъ непрерывно одно и тоже: «все—я», «все—я»... А иногда повторяетъ съ прибавлениями: «двери—я», «все—я», «окошко—я», «печка—я», «все, что только есть, все—я» и т. д. И трезвонить своимъ языкомъ безъ конца. Если я въ этихъ случаяхъ молчу, на-время задумается и Кузьма, а потомъ опять начинаетъ свой обычный трезвонъ. Надоѣсть до послѣдней степени. Бывало, начну упрашивать его деликатно, чтобы пересталъ раздражать меня своимъ трезвономъ. Но все было напрасно. Кузьма какъ заладить свое: «все—я», такъ и твердить, твердить неумолчно. Такую наведеть тоску, такъ разстроить..., что иногда я даже бывъ въ такие моменты... этого не то полуумнаго, не то юродиваго «звонаря»...

Однажды въ воскресный день, когда мнѣ шелъ уже 20-й годъ отъ рождения, на меня напала невыносимая скука. Мнѣ неудержимо хотѣлось куда-либо уѣхать..., тѣмъ болѣе, что у меня вообще никогда не было расположенія и склонности къ торговлѣ, какою по необходимости пока занимался. Мнѣ постоянно хотѣлось чего-то другого, но чего именно, я никакъ не могъ уяснить себѣ этого. Родные всячески старались склонить меня къ женитьбѣ, но безуспѣшно: мои желанія были иныя... Въ упомянутое воскресеніе съ тоскою на сердцѣ я вышелъ за ворота своего жилища, остановился и долго самъ съ собою раздумывалъ глубоко-глубоко о томъ, чтò мнѣ дѣлать. Вѣдь ужъ пора была избрать окончательно какой-либо опредѣленный родъ жизни, на чёмъ-либо твердо остановиться. Стою и думаю... Ко мнѣ подошелъ нашъ сосѣдъ—купеческій сынъ, человѣкъ набожный, образованный и уже семейный. Онъ ударилъ меня по плечу. А когда я оглянулся,—спросилъ, о чёмъ я такъ задумался? Николай Григорьевичъ,—говорю ему,— на меня напала такая тоска, что не знаю, какъ и отѣлаться отъ нея. А откуда она явилась, не знаю... Но ничто мнѣ не мило. Вотъ я нарочно ушелъ отъ другихъ подальше, чтобы здѣсь наединѣ съ собой подумать, поразсудить о причинѣ моей тоски,—гдѣ она? Мой собесѣдникъ, слушая меня, вздохнулъ, прослезился и сказалъ: о, еслибы ты зналъ мою скорбь, какъ я тоскую!.. Только я никому, какъ говорится, не подаю и виду. Молчу и нерѣдко сквозь слезы даже веселюсь. Мнѣ дѣваться некуда: связанъ по рукамъ и ногамъ. Много разъ приходила въ голову даже мысль—наложить на себя руки, чтобы избавиться отъ угнетающей меня скорби. Вѣдь я не

хотѣлъ и жениться, но меня принудила мать. Жена миѣ не по сердцу; дѣти умножаются; торговое дѣло наше разстравливается, не смотря на то, что я, какъ ты самъ видишь, всегда занимаюсь имъ усердно; капиталъ значительно уменьшается, хотя я никогда и не трачу денегъ по-пусту... Еслибъ я, подобно тебѣ, былъ холость, то ушелъ бы на Аeonскую гору святую. Никому бы и не сказалъ объ этомъ. Такъ говорилъ мнѣ Николай Григорьевичъ. А когда я спросилъ его: да гдѣ же находится Аeonская гора,—онъ отвѣтилъ: въ Турціи. А кто тамъ живеть,—продолжалъ я свои вопросы... Да развѣ ты не читалъ книги Святогорца ¹⁾,—отвѣтилъ онъ вопросомъ на вопросъ. Я сказалъ: нѣтъ. Такъ вотъ почитай,—говорилъ мой сосѣдъ,—тогда узнаешь, какъ тамъ живуть и какъ спасаются. Узнаешь, что эта гора—жребій Божіей Матери, что по всей горѣ живуть только одни монахи, проводя время въ строгихъ и суровыхъ подвигахъ, и что въ ихъ числѣ—много и русскихъ. Я спросилъ своего собесѣдника: а какъ туда проѣхать? Вѣдь нуженъ заграничный паспортъ, а получить его такъ, чтобы о томъ не узнали ни мать моя, ни мои родственники, невозможно... Какъ же тутъ быть? Николай Григоровичъ сказалъ на это, что горе не столь велико: можно проѣхать на Аeonъ и тайно изъ Одессы или другихъ приморскихъ городовъ. Слѣдуетъ узнать, какое отходитъ туда судно,—затѣмъ—уговориться съ капитаномъ, и онъ преисправно провезетъ потихоньку, никто и не узнаетъ. На Аeonской же горѣ никакихъ «видовъ» не спрашиваются. Дѣло въ томъ, слѣдовательно, чтобы только проѣхать туда благополучно.

Все, что говорилъ мнѣ мой сосѣдъ, я близко принялъ къ сердцу. Сталь серьезно думать объ Аeonѣ и о путешествіи туда. Наконецъ, твердо рѣшилъ отправиться въ Одессу и оттуда тайно проѣхать на святую гору.

¹⁾ О немъ см., напр., у *Брокгауза-Ефрана* (въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, полут. 57; Спб. 1900 г., стр. 267), гдѣ названы и его труды: „Письма къ друзьямъ своимъ о св. горѣ Аeonской“ (Спб. 1850 г.),—„Путеводитель по св. горѣ Аeonской и указатель ея святынь и прочихъ достопамятностей“ (Спб. 1854 г.),—„Аeonский Патерикъ“... (Спб. 1860 г.),—„Русский Пантелеимоновъ монастырь на св. Аeonской горѣ“ (Спб. 1854 г.),—„Шестнадцать писемъ Св. о св. горѣ Аeonской“ и др. Разговоръ, передаваемый нами, происходилъ въ 1854—1855 гг. Посему разумѣется въ данномъ случаѣ одна изъ книгъ Святогорца, вышедшая не позже этой поры...

Я привелъ въ порядокъ всѣ дѣла по лавкѣ, какія на мнѣ лежали,—чтобъ не возникло потомъ, по моемъ удаленіи, какихъ-либо недоразумѣній при подведеніи торговыхъ итоговъ,—взялъ изъ кассы сумму, какая мнѣ причиталась, въ качествѣ жалованья, за мою службу и, никому ничего не сказавъ, покинулъ и свою торговлю, и Петербургъ и направился въ Киевъ и Одессу.

Добрался до Киева, помолился святынямъ и затѣмъ достигъ и Одессы. Здѣсь началъ разыскивать отходившее въ Турцию судно, по безуспѣшно. Прошло въ поискахъ двѣ безплодныхъ недѣли. Въ одинъ день по обыкновенію пришелъ на морскую пристань и спрашиваю о судахъ: не отправляется ли какое-нибудь на Аѳонъ или хотя бы въ Константинополь? Неожиданно подошелъ ко мнѣ довольно пожилой человѣкъ, повидимому — монахъ и, какъ бы читая въ моей душѣ, сказалъ: что, братъ,—вижу, что хочешь проѣхать на Аѳонъ, а заграничнаго паспорта, вѣроятно, не имѣешь, да, можетъ быть, не испросишь на то и родительского благословенія?.. Не такъ ли? Такъ вотъ что посовѣтуешь тебѣ: сначала возьми-ка у родителей своихъ благословеніе, а потомъ и отправляйся съ Богомъ. А иначе,—хотя бы ты и уѣхалъ на Аѳонъ,—будешь тосковать, и не будетъ мира въ твоей душѣ. Сказалъ онъ это и сейчасъ же скрылся. Куда,—такъ я и не могъ узнать, а между тѣмъ очень хотѣлъ его видѣть, чтобы разспросить и развѣдать что-либо объ Аѳонѣ и тамошней жизни. Но слова монаха произвели на меня очень сильное впечатлѣніе, и я постепенно пришелъ къ убѣжденію, что дѣйствительно безъ родительского благословенія не будетъ никакого успѣха въ предпринятіи мною дѣлѣ. Посему я рѣшился—возвратиться обратно въ Петербургъ... Это для меня было очень тяжело: я сгоралъ отъ стыда за то, что сдѣлалъ, и не могъ себѣ представить, какъ явлюсь на глаза своему хозяину послѣ тайного отъ него ухода... Но другого исхода для меня, однако, не было... Приходилось возвращаться. Вернулся... И при первомъ свиданіи не было и конца удивленію хозяина по поводу всего со мною случившагося. Выслушавъ меня, онъ очень сожалѣлъ объ одномъ,—о томъ, что подалъ «объявленіе» о моемъ исчезновеніи и паспортъ мой передалъ въ полицію, какъ то и другое и требовалось, конечно... Оставить меня у себя безъ паспорта естественно боялся. А потому и далъ мнѣ совѣтъ —ѣхать домой въ деревню, взять паспортъ и съ нимъ возвращаться

въ столицу на прежнее мѣсто—къ нему въ лавку. Снабдилъ меня необходимыми денежными средствами на дорожные расходы, и мы разстались.

На родинѣ напечь всѣхъ въ удрученномъ состояніи. Родные мои сѣтовали и недоумѣвали, не зная, что со мной случилось, куда я пропалъ... Моя матери въ это время не было дома: она ушла на богослужбѣ по монастырямъ, чтобы успокоить свою душу... Когда я неожиданно явился домой, родственники встрѣтили пропавшаго съ радостными слезами. А мнѣ самому было крайне стыдно и неловко смотрѣть въ глаза имъ и разсказывать о своей тайной отлучкѣ. Но пришлось все претерпѣть,—дѣваться было некуда... Вѣсть о моемъ возвращеніи разнеслась быстро... И моя мать, услышавъ объ этомъ, поспѣшила возвратиться домой. Я подождалъ ее и видѣлъ, когда она подходила къ нашему селенію. Забывъ о своей страсти и вѣмощахъ, она съ каждою минутою старалась учащать свои шаги и на ходу часто крестилась, благодаря Все-вышняго за мое возвращеніе. Когда она входила въ домъ, я вышелъ къ ней на встрѣчу, паль къ ея ногамъ и просилъ прощенія за то, что причинилъ ей столько горя и скорби своимъ тайнымъ бѣгствомъ изъ Петербурга въ Одессу,—бѣгствомъ, всюду огласившимся и павлекшимъ безславіе на весь нашъ родъ. Она же отъ избытка радостныхъ чувствъ и отъ душившихъ ее слезъ не могла ничего говорить и только обнимала меня и пѣловала... Успокоившись, наконецъ, она стала высказывать предо мною свою скорбь, вызванную моей отлучкой,—прибавляла при этомъ, что уже не надѣялась когда-либо меня увидѣть, но что теперь неизреченно рада моему возвращенію, столь неожиданному... Я, чтобы усугубить ея радость, передалъ ей всѣ свои денежныя сбереженія, припрятанныя мною на черный день въ книгахъ, оставленныхъ мною въ родномъ домѣ. Возвратившись домой, я прежде всего отыскалъ мой сундукъ съ книгами, коего, уѣзжая въ Петербургъ, я настойчиво просилъ домашнихъ своихъ не трогать. Книгъ, правда, осталось уже немного, но, тѣмъ не менѣе, уцѣлѣли тѣ изъ нихъ, въ которыхъ спрятаны были мною когда-то деньги, чѣму я былъ очень радъ. Иначе нечѣмъ было бы порадовать мнѣ своей старой матери. Вѣдь явиться въ деревню съ голыми руками было бы во всякомъ случаѣ не очень то утѣшительно... Шатался, молъ, человѣкъ по бѣлу свѣту безъ дѣла и безъ толку... Деревня смотрѣть на все это очень строго...

И такъ, я водворился на родинъ. Но мое прежнее намѣреніе уѣхать на Аеонъ не оставляло меня и здѣсь даже и на минуту. Все зависѣло лишь отъ моей матушки: необходимо было получить ея благословеніе, безъ котораго я ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы привести въ исполненіе свое давнишнее и пламенное намѣреніе. Начать съ матерью разговоръ обѣ этомъ я не рѣшался. А вдругъ разъ на-всегда категорически откажется? Какъ тутъ быть? И вотъ я сталъ втайне молиться Богу, просить Его о томъ, чтобы матушка сама начала со мною разговоръ обѣ этомъ. Мое желаніе исполнилось. Однажды, затворившись въ отдѣльной комнатѣ, я молился Господу все о томъ же. Вдругъ неожиданно вошла ко мнѣ мать. Я постарался ничѣмъ не обнаружить того, что молился. Повернулся къ ней въ почтительной позѣ и ожидалъ, что она скажетъ. А она посмотрѣла на меня очень-очень внимательно и спросила: Ваня, скажи ты мнѣ откровенно, будешь ли женихаться? Мы—родные твои—много разъ приготавляли тебѣ невѣсть, а ты каждый разъ уклонялся подъ тѣми или другими предлогами. Вопросъ былъ предложенъ слишкомъ прямо, и я очень этому обрадовался, надѣясь, что, наконецъ-то, все дѣло вполнѣ выяснится. Нѣть,—отвѣтилъ я,—не имѣю намѣренія женихаться. Такъ что же,—спросила меня матушка,—быть можетъ, желаешь уйти въ монастырь и стать монахомъ? Да,—сказалъ я,—желалъ-бы быть инокомъ. Матушка, видимо, ожидала этого отвѣта,—задумалась на нѣсколько минутъ, перекрестилась и потомъ сказала грустно: жаль мнѣ тебя, Ваня! Ты знаешь, что я любила тебя больше всѣхъ моихъ дѣтей, а въ особенности люблю теперь, когда всѣ твои братья поженились и живутъ уже своими семьями, а ты остался единственнымъ моимъ утѣшениемъ... Тяжело мнѣ, посему, разставаться съ тобою. Но, тѣмъ не менѣе, не возбраню тебѣ на такое святое дѣло... Снова призадумалась она и затѣмъ сквозь слезы сказала: какая буду я счастливая мать, если ты станешь монахомъ! Прочія дѣти мои служатъ Царю земному и живутъ въ міру на-ряду со всѣми «мірскими». А ты будешь служить Богу. Ты знаешь, какой обширный нашъ родъ, по изъ него, однако, никто еще доселъ не былъ монахомъ,—ты первый хочешь этого... Если ты настаиваешь на своемъ рѣшеніи, то... Богъ съ тобою. Я не возбраняю... Я до безконечности былъ обрадованъ такимъ поворотомъ дѣла и сказалъ: благослови же меня теперь, матушка, своимъ материнскимъ благословеніемъ.

Она взяла св. икону святителя Николая Чудотворца. Я пальницъ. Матушка сдѣлала святою иконою надъ моей головой троекратное крестное знаменіе,—вручила мнѣ икону и сказала: Ваня, я благословила тебя на монашество. Если хочешь, то иди въ монастырь хотя-бы сейчасъ или вообще—когда вздумаешь. Я поклонился ей до земли, поцѣловалъ ея руку и попросилъ ея святыхъ молитвъ на приведеніе въ исполненіе задуманного мною дѣла. Я не скрылъ отъ матушки, что хочу уѣхать на Аeonъ и что, посему, мнѣ необходимъ заграничный паспортъ. Я и просилъ ее исходатайствовать послѣдній у Начальства. Матушка готова была оказать мнѣ всякую помощь. Но сначала посовѣтовала мнѣ поговорить и пріобщиться Св. Христовыхъ Тайнъ. Дѣло происходило на сырной недѣлѣ...

На первой седмицѣ Великаго поста я и матушка отправились говѣть, а потомъ предполагали сѣѣздить въ волостное Правлѣніе за паспортомъ. Но одно предполагали, а другое случилось. Я желалъ исповѣдаться у священника подольше и полноѣ и потому выжидалъ, когда онъ всѣхъ отпустить и освободится... и можетъ спокойно заняться мною. Подошелъ къ нему. Священникъ какъ будто зналъ, какой исповѣди я желаю, и исповѣдывалъ меня неторопливо по требнику, а въ концѣ исповѣди соросилъ: не намѣренъ ли я уйти въ монастырь и стать монахомъ? Мнѣ не хотѣлось, чтобы другіе узнали о моихъ намѣреніяхъ, но скрыть о нихъ предъ духовникомъ я, разумѣется, не могъ и потому сказаль ему: да,—я намѣренъ поступить именно такъ. Священникъ, однако, не одобрилъ моего намѣренія, но, указывая на мою молодость, совѣтоваль жениться,—а потомъ,—прибавилъ онъ,—если будетъ Богу угодно, то окажешься и въ монастырѣ, послѣ того какъ поживешь семейно въ міру. Арсеній Великій,—говорилъ батюшка,—поступилъ въ монастырь уже 45-и лѣтъ отъ рода ¹⁾). Сдѣлай такъ же и ты. Теперь ты еще очень молодъ. А доживешь до 45-и лѣтъ, тогда и можешь поступать въ монастырь... Слушая духовника, я совсѣмъ растерялся. Его совѣты совершенно не отвѣчали моимъ намѣреніямъ. Тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что нужно послушаться батюшки: вѣдь онъ говорилъ въ храмѣ Божіемъ, облеченный въ эпитрахиль, предъ св. крестомъ и

¹⁾ Слѣдовало сказатъ: 40-а (см.. напр., *архіеп. Сергія „Полный Місяцесловъ Востока“...* Т. II: „Святой Восток“; 2 е изд. Владиміръ, 1901 г., стр. 172) (ср. 1-й т. „Православной Богословской Энциклопедіи“, изд. проф. А. П. Топухина; Спб. 1900 г., col. 1052—1054)...

Евангелиемъ Христовымъ. Я сталъ просить у него окончательнаго и рѣшительнаго совѣта, какъ у духовника, чтобы знать, какъ же мнѣ поступить? Вѣдь я,—говорилъ ему,—завтра намѣренъѣхать въ Правлениѣ за паспортомъ, такъ какъ считалъ это дѣло рѣшеннымъ для себя. Но батюшка твердилъ все одно и тоже, т. е., упорно совѣтовалъ до 45-и-лѣтнаго возраста въ монастырь не поступать... Пришлось послѣдовать его совѣту. Я вышелъ отъ него. На душѣ моей чувствовалась какая-то большая радость, но съ примѣсью скорби, сомнѣнія... Все перемѣшалось, и у меня какъ будто бы исчезли и моя воля, и мой разумъ...

На слѣдующій день я пріобщился Св. Христовыхъ Тайнъ. Пріобщилась и моя матушка. Вышли изъ церкви. Мать поздравила меня съ принятіемъ Св. Тайнъ и спросила: ну, что же, Ваня? Быть можетъ, пойдемъ въ Правлениѣ прямо отсюда? Я чувствовалъ себя крайне неловко. Но рассказалъ о томъ, что совѣтовалъ мнѣ духовникъ, указывавшій мнѣ на мою юность и рекомендовавшій жениться. Матушка на это сказала: Ваня,—я, конечно, буду очень рада, если ты останешься дома, но отнынѣ на это будетъ уже твоя только воля... Отъ тебя только уже будетъ зависѣть—теперь или когда-либо послѣ уйти въ монастырь и постричься. Отъ меня благословеніе тебѣ уже дано. Разсуждай о себѣ самъ...

Вернулись домой. Я получилъ съ почты два письма изъ Петербурга. Мой хозяинъ просилъ меня немедленно пріѣхать въ столицу: самъ-де онъ заболѣлъ, и дѣла его торговыя, посему, разстраивались. Въ этомъ приглашеніи я нашелъ самый благопріятный выходъ изъ моего страннаго положенія въ деревнѣ. Вмѣсто заграничнаго паспорта я взялъ обычный—годовой и заявилъ матушкѣ, что отлагаю свое намѣреніе касательно Аѳона на годъ, — а что будетъ потомъ—черезъ годъ...—это знаетъ только одинъ Богъ. Опъ все и устроить къ лучшему.

Въ столицѣ хозяева встрѣтили меня съ необыкновенною радостью и въ день моего пріѣзда просили взяться, немедля, за управлениѣ всѣми ихъ торговыми дѣлами. Послѣднія, какъ и прежде, пошли очень успѣшно... Въ теченіе двухъ недѣль я былъ веселъ. А потомъ напала на меня такая ужасная тоска, что я не зналъ, какъ отъ нея и избавиться. А главное: не могъ дать себѣ яснаго отчета въ ея возникновеніи. Дѣлашли, какъ и сказано, прекрасно. Слѣдовало бы, кажется, только радоваться. А между тѣмъ тоска мучила непрерывно

и въ особенности по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда я не былъ занятъ торговлей. Въ эти дни я обычно уходилъ послѣ обѣда въ лѣсъ, иногда на Крестовскій островъ, и тамъ проводилъ въ слезахъ всѣ остальные часы дня до вечера. Наплачусь досыта и къ вечеру возвращаюсь домой. Такъ продолжалось въ теченіе всего лѣта до осени. Послѣ обильныхъ слезъ мнѣ всегда становилось легче...

Въ одинъ изъ подобныхъ дней, ходя по лѣсу, я уже достаточно наплакался и въ своемъ уединеніи стала тщательно искать причины моей скорби, объясненія мучившей меня тоски. Тамъ усердно помолился я Богу среди деревьевъ, прося Господа, чтобы Онъ не попустилъ чему-либо худому случиться со мною и чтобы указалъ мнѣ путь ко спасенію. Въ эти минуты какъ будто бы кто-то сказалъ мнѣ съ удивленіемъ: да зачѣмъ ты ищешь причины своей скорби? Развѣ ты не взялъ у своей матери благословенія на монашескую жизнь, о которой прежде такъ много и такъ сильно думалъ? А теперь, послѣ того какъ заручился материнскимъ благословеніемъ, ты медлишь идти въ монастырь?! Какъ только услышалъ я этотъ внутренній голосъ, внушиавшій мнѣ, вразумлявшій...—очень обрадовался, истово перекрестился и твердо рѣшилъ съ этой же минуты непремѣнно и энергично хлопотать о заграничномъ паспорѣ, чтобы, получивъ его, сейчасъ же иѣхать на Афонъ. Тоска моя исчезла... На другой же день я написалъ матушкѣ письмо, прося ее выхлопотать мнѣ нужный паспортъ. При этомъ я присоединялъ, что меня приглашаютъ съ собоюѣхать въ Иерусалимъ купцы, которые-де берутъ на себя и всѣ путевые расходы, лишь бы только я отправился съ ними. Я просялъ матушку по возможности ускорить высылку паспорта, боясь, что купцы уѣдутъ безъ меня...

Матушка, получивъ мое письмо, немедленно же принялась за хлопоты... Но окончить дѣло скоро было, конечно, невозможно. Требовалась публикація о неимѣніи препятствій къ моему выѣзду; нужно было выполнить и другія, необходимыя въ подобныхъ случаяхъ, формальности... Въ ожиданіи паспорта я приводилъ всѣ свои торговыя дѣла въ надлежащей порядокъ, желая, чтобы мой хозяинъ, по моемъ отѣзду, не потерпѣлъ какого-либо ущерба отъ неясности счетовъ, книгъ и пр. Это не укрылось отъ хозяйстваго глаза, и хозяинъ прямо спросилъ меня, зачѣмъ я это дѣлаю... Я далъ уклончивый отвѣтъ. А между тѣмъ получилъ отъ матери письмо, извѣ-

щавшее, что скоро будетъ высланъ заграничный паспортъ. Такимъ образомъ оставалось только одно затрудненіе: какъ сказать хозяину, что покидаю его, послѣ того какъ прожилъ у него всю свою жизнь, начиная съ дѣтства, такъ что многое, какъ и сказано, не хотѣли и вѣрить тому, что я былъ ему чужой,—не сынъ... Обидѣть добрыхъ людей, у которыхъ я выросъ, не хотѣлось. Какъ тутъ быть? Но обычаю я обратился съ молитвой къ Богу... Мнѣ хотѣлось, чтобы хозяева чѣмъ-либо меня оскорбили: легче было-бѣ уходить отъ нихъ...

Вотъ что произошло дальше, по Божьей волѣ.

Былъ праздникъ. Хозяева ушли въ гости. Вечеромъ дома остались только мы двое: я и приемышъ Кузьма. Я сидѣлъ въ залѣ, а онъ—въ кухнѣ, отдѣленной отъ зала прихожею комнатою. Оба молчали. Я думалъ все обѣ одномъ: дождусь ли заграничнаго паспорта и уѣду ли на Аѳонъ? Раздумываю, скрушаюсь сердцемъ... и какъ будто вотъ—вотъ жду извѣшненія. Вдругъ Кузьма вскочилъ со своего стула, заскакалъ, измѣнился въ лицѣ, замахалъ руками, прибѣжалъ въ переднюю и закричалъ: я пойду заграницу, буду на Кавказѣ, я буду..., все—я! При его словахъ: «пойду заграницу» я подумалъ, что Кузьма отвѣчаетъ на задуманный мною вопросъ. Желая узнать отъ него что-либо болѣе ясное и определенное, я подошелъ и, какъ будто шутя, сталъ его спрашивать: ужели, Кузьма, ты вздумалъѣхать заграницу? Кузьма же съ обычнымъ ему своеобразнымъ смѣхомъ отвѣчалъ: да, я пойду заграницу, на Кавказъ и проч. Когда я уышалъ слово «Кавказъ», то подумалъ: пѣть, это относится не ко мнѣ,—вѣдь я о Кавказѣ и не помышлялъ. Потомъ, послѣ непродолжительнаго размышленія, я спросилъ его: а когда же пойдешь? Кузьма сейчасъ же сказалъ: въ февралѣ мѣсяцѣ. Тогда я предложилъ ему новый вопросъ: а заграничный паспортъ у тебя есть? Я думалъ, что онъ скажетъ о моемъ паспорѣ, котораго съ нетерпѣніемъ я ждалъ изъ деревни. Однако, Кузьма оставилъ мой вопросъ безъ всякаго отвѣта... Пришелъ въ свое обычное настроеніе и сталъ отнѣкиваться незнаніемъ, говоря: нѣть, Иванъ, я—дуракъ и ничего не знаю,—не помню, что говорю... Тѣмъ все и окончилось. Послѣ я думалъ, что о моемъ намѣреніиѣхать заграницу, на Аѳонъ,—извѣстномъ только мнѣ одному,—быть можетъ, Богъ открылъ Кузьмъ... Страннымъ и непонятнымъ мнѣ казалось только одно: зачѣмъ онъ говорилъ тутъ еще о Кавказѣ? Вѣдь на Кавказъ я не собирался...

Тѣмъ не менѣе Кузьма оказался пророкомъ. Мнѣ пришлось уѣхать на Аѳонъ дѣйствительно въ февралѣ. Не говорю уже о томъ, что не миновалъ я впослѣдствіи и Кавказа, относительно котораго теперь недоумѣвалъ.

Въ Александро-Невской Лаврѣ въ то время жили для «сбора»... аѳонскіе иноки—іеромонахъ Макарій и схимонахъ Селевкій. Чрезъ одного молодого человѣка я познакомился съ ними и открылъ имъ о своемъ желаніи уѣхать на Аѳонъ... и стать инокомъ. Обое совѣтовали мнѣ осуществить мое желаніе безотлагательно, пока я не женатъ и свободенъ отъ мірскихъ узъ. Между тѣмъ матушка выслала мнѣ заграничный паспортъ. Прямо съ почты я отнесъ его въ Лавру къ аѳонскому о. іеромонаху Макарію и отдалъ ему на храненіе, боясь оставить у себя изъ опасенія потерять и остерегаясь, какъ бы снова не явилось какои-либо для меня помѣхи къ отѣзду на Аѳонъ...

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, хозяева мои были у кого-то въ гостяхъ. Вернулись домой не совсѣмъ трезвые, стали капризничать и даже оскорблять меня, чего раньше никогда еще не случалось... Я очень обрадовался этому случаю, дававшему мнѣ благовидный поводъ отказаться отъ службы у хозяевъ, и немедленно же отправился въ Лавру къ аѳонскимъ монахамъ.

Іеромонахъ Макарій снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ аѳонскимъ старцамъ, дать необходимыя наставленія и указанія... И въ февралѣ 1862 года я отправился въ путь.

Сначала направился въ Киевъ. Тамъ говѣлъ... Исповѣдался у духовника Выдубицкаго монастыря—о. іеросхимонаха Іоны. Въ ту пору онъ еще только собирался строить свой скитъ. Отецъ Іона почему-то былъ предубѣжденъ противъ староаѳонскихъ старцевъ—о. о. Макарія и Іеронима и совѣтовалъ мнѣ лучшеѣхать въ Бѣлобережскій монастырь (орловской губ., брянскаго уѣзда). Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе, и мнѣ на Аѳонѣ самому лично пришлось видѣть и читать письмо его къ этимъ двумъ старцамъ, о которыхъ онъ отзывался уже съ любовію о Христѣ и къ которымъ онъ относился уже съ глубокимъ почтеніемъ. Въ Киевѣ же своимъ отзывомъ о старцахъ о. Іона ввелъ меня въ большое сомнѣніе... И я рѣшился продолжать свое путешествіе на Аѳонъ только благодаря тому, что случившійся въ то

время въ Киевѣ одинъ купеческій сынъ, бывшій иночъ афонскаго Пантелеимонова монастыря, по имени Павелъ—очень сильно хвалилъ этотъ монастырь, какъ самый лучшій для спасенія души.

Изъ Киева я прибылъ въ Одессу, гдѣ и прописалъ свой заграничный паспортъ. Море въ это время замерзло. Посему пришлось жить въ Одессѣ недѣлю, пока не получилась возможность выѣхать пароходу изъ гавани. На Афонъ былъ предназначенъ пароходъ «Олегъ». Кое-какъ проломали ледъ въ морѣ на большомъ-таки пространствѣ, и лишь послѣ этого пароходъ выбрался на «свободную» воду, послѣ чего благополучно прибылъ въ Константинополь.

Здѣсь отвели намъ мѣсто въ «русскомъ агентствѣ»—въ сараѣ. Пришлось испытать ужасный холодъ... и вспомнить о теплыхъ помѣщеніяхъ на покинутой родинѣ. Прожили въ сараѣ четыре дня. Потомъ продолжали путь на св. гору.

Половину дороги проплыли благополучно, но въ теченіе второй насы ужасно трепала морская буря. Качка была очень сильная; не прикрепленная къ палубѣ вещи снесло въ море; пароходъ заливало волнами. Пассажиры чувствовали себя плохо. Я вышелъ на палубу, отыскать узкій проходъ между какими-то частями парохода, уперся въ одну сторону прохода спиной, а въ другую руками и въ такомъ положеніи кое-какъ держался..., хотя и съ большимъ трудомъ. Капитанъ, помню, смотрѣлъ на меня съ любопытствомъ...

Но, тѣмъ не менѣе, доплыли до св. горы... Вотъ и монастырь св. Пантелеимона. Съ берега были высланы къ пароходу двѣ лодки съ монахами. Но съ одной изъ нихъ случилось несчастіе: почти у самого парохода нашего ее перевернуло волной. Изъ двухъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ, монаховъ одинъ успѣлъ ухватиться руками за пароходный канатъ, и его подняли на пароходъ, а другой остался въ морѣ. Это былъ о. Гаврійль. Лодку унесло. Другая лодка успѣла удержаться за пароходный канатъ и уцѣлѣла. Но, при подобныхъ условіяхъ, нечего было и думать о перевозкѣ пассажировъ на берегъ. Поэтому уцѣлѣвшую лодку привязали къ пароходу, а иноховъ вмѣстѣ съ пассажирами повезли въ Салоники. Оттуда они и могли вернуться въ свою обитель.. Монахъ Гаврійль, однако, не утонулъ, къ удивленію... По истеченіи нѣкотораго времени, мы увидѣли его на поверхности воды, но оказать ему помощь съ парохода не успѣли; затѣмъ онъ снова пока-

зался, и мы снова безуспешно пытались ему помочь, послѣ чего онъ, казалось, ушелъ на глубину, ко дну,—а глубина здѣсь доходила до 70 сажень. Всѣ крайне сожалѣли о гибели монаха, котораго не могли спасти. Подбоцманъ спустился на канатѣ къ самой водѣ и повисъ надъ нею въ ожиданіи появленія о. Гавріила на поверхности. Ждали и другие, готовые каждую минуту подать помощь. Спустя нѣкоторое время, монахъ дѣйствительно показался; ловкій и мужественный подбоцманъ успѣлъ схватить его за руку и, при помощи другихъ, вытащилъ утопленника на пароходъ. Къ сожалѣнію, о. Гавріиль казался уже мертвымъ. Но бывшіе на пароходѣ два врача не хотѣли мириться со смертью инока,—постарались согрѣть его, выкачать изъ него воду и пр.—и онъ, къ общей радости, ожилъ. У меня былъ новый «романовскій» полушибокъ. Я съ радостью отдалъ о. Гавріилу. Послѣдній въ немъ согрѣлся и оправился совсѣмъ... Между тѣмъ въ обители узнали, что лодка перевернулась. Ее потомъ выбросило на берегъ,—выбросило и камилавку о. Гавріила. Отсюда и заключили, что онъ утонулъ. Сейчасъ же стали молиться объ упокояніи его души...

Между тѣмъ мы прибыли въ Салоники. Здѣсь намъ пришлось жить цѣлую недѣлю въ ожиданіи возвращенія парохода, на которомъ (а не другимъ какимъ-либо путемъ) мы хотѣли достигнуть Аѳона. Въ это время случилось мнѣ въ первый разъ увидѣть смертную казнь преступника—убийцы. У него отсѣкли голову. Убийца-преступникъ былъ турокъ. Занимался портняжнымъ ремесломъ и торговалъ одеждой. Онъ убилъ портного же—грека-христіанина за то, что тотъ требовалъ съ него долгъ. Убивъ, закопалъ жертву во дворѣ своего дома. Но все это видѣлъ одинъ еврей. Послѣ убитаго остались—жена и двѣ дочери—невѣсты. Жена очень горевала о пропавшемъ мужѣ. Два дня безплодно разыскивали его. Еврей пришелъ ко вдовѣ и заявилъ, что за вознагражденіе скажетъ, гдѣ ея мужъ... Получивъ деньги, онъ открылъ истину, но просилъ не выдавать его, боясь, что иначе убьютъ и его. Онъ посовѣтовалъ вдовѣ взять чиновника и свидѣтелей, какихъ хочетъ, и отправиться съ ними въ домъ этого турка—портного. Пусть произведутъ у него обыскъ. А я,—говорилъ еврей,—въ это время стану ходить по двору и, гдѣ остановлюсь и постою, тамъ и копайте и найдете убитаго. Такъ и сдѣлали. Нашли убитаго,—посадили убийцу въ тюрьму, а

потомъ судили его и приговорили къ смертной казни. Описываютъ этотъ случай подробно потому, что, по словамъ грековъ, то былъ первый примѣръ столь суроваго наказанія турками турка за христіанина, съ которыми раньше вообще не церемонились никакъ. Греки теперь возликовали по поводу проявленія турками справедливости, столь неожиданной и диковинной. Осужденнаго привели на мѣсто казни изъ тюрьмы мимо базара... На небольшую площадь. Руки убійцы были связаны за спиной веревкой, за конецъ которой держался солдатъ-турокъ. За ними шли—чиновникъ, долженствовавшій прочитать приговоръ, и нѣсколько солдатъ. Ноги преступника были свободны. На площади поставили убійцу и передъ нимъ жену убитаго и обѣихъ ея дочерей на разстояніи отъ преступника около двухъ сажень. Чиновникъ развернулъ большой и крупно исписанный листъ и сталъ громко читать, что турокъ за совершенное имъ убійство осужденъ на смертную казнь,—но что вдовѣ предоставлено право взять съ убійцы изъѣстную сумму денегъ, если только она захочеть, послѣ чего преступникъ былъ бы освобожденъ отъ смерти. Было предложено вдовѣ назвать, если желаетъ она, ту сумму, какую хотѣла бы получить съ убійцы. Но вдова не захотѣла идти ни на какія сдѣлки и требовала смертной казни преступника. Предложеніе было повторено до трехъ разъ, но съ одинаковымъ результатомъ. Тогда, наконецъ, судья далъ знакъ, по которому приговоръ слѣдовало привести въ исполненіе. Подошелъ мулла, что-то поговорилъ осужденному, далъ ему что-то выпить и отошелъ. Потомъ подошли два солдата: одинъ долженъ былъ совершить казнь, а другой обнажить шею убійцы. Преступникъ былъ человѣкъ высокаго роста и здоровый юноша. Увидѣвъ поднятый надъ нимъ мечъ, онъ бросился бѣжать по направлению къ женщинамъ; а женщины въ испугѣ побѣжали, въ свою очередь, отъ него. Произошелъ переполохъ. Солдатъ не могъ удержать убійцу. Тогда чиновникъ выхватилъ пистолетъ и уже хотѣлъ стрѣлять. Но, къ счастью, тутъ же были еще другихъ четыре солдата. Изъ нихъ одинъ, такой же рослый и сильный, быстро подбѣжалъ и ударилъ убійцу сзади подъ колѣнками столь сильно, что послѣдній упалъ на колѣна... И въ тотъ же мигъ другой солдатъ дважды ударилъ преступника мечемъ по шеѣ. Однако, не могъ отрубить головы прочь; она повисла, а казнепный упалъ... Зрѣлище было отвратительнѣйшее. Трупъ лежалъ на мѣстѣ казни въ томъ же

положеніи, въ какомъ преступникъ упалъ, въ теченіе трехъ часовъ... Этотъ случай крѣпко—крѣпко засѣлъ въ моей памяти... И не могу о немъ не вспомнить въ настоящій разъ...

Послѣ недѣли ожиданія увидѣли желанный пароходъ, прибывшій въ Салониккую гавань,—сѣли на него и благополучно прибыли на св. Аѳонъ *).

Профессоръ А. Бронзовъ.

*.) Продолженіе слѣдуетъ.

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.А. Бронзов

**Архимандрит Иерон,
настоятель Ново-Афонского
Симоно-Кананитского монастыря
(+14 августа 1912 г.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 4. С. 458-468.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](http://creativecommons.org/licenses/by-nd/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Архимандритъ Іеронъ, Настоятель Ново-Аөонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря

(† 14 августа 1912 г.) *).

II. На Аөонѣ ¹⁾.

МЕНЯ вмѣстъ съ тонувшимъ о. Гавріломъ повели къ старцу-духовнику о. Іерониму ²⁾). При видѣ о. Гавріла, онъ очень обрадовался. Ну,—слава Богу,—ты живъ. А

*.) Продолженіе. См. мартъ.

¹⁾ Очень интересны и поучительны книги объ Аөонѣ: напр., „Сочиненія святогорца—письма къ друзьямъ о Святой Горѣ Аөонской“... (Спб. 1873 г.; изд. 5; т. 1—2); В. Г. Барского „Первое поспѣщеніе св. горы Аөонской“ (годъ изд. не указанъ); «Русскій монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона на св. горѣ Аөонской» (изд. 7-е, Москва, 1886); иноха Пароенія „Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ“ (1—4 ч. Москва, 1855); архим. (потомъ епископа) Порфирія Успенскаго „Первое путешествіе въ Аөонскіе монастыри и скиты“ (ч. 2; Кіевъ, 1877) („Приложенія“..., Москва, 1881 г.),—его же „Второе путешествіе по святой горѣ Аөонской“... (Москва, 1880 г.),—его же „Востокъ христіанскій. Аөонъ языческій“ (Кіевъ, 1877 г.),—„Аөонъ христіанскій“... (К., 1877 г.).—„Аөонскій Патерикъ или жизнеописаніе святыхъ, на святой Аөонской горѣ прославившихъ“ (ч. 1—2, изд. 6, Москва, 1890 г.); проф. А. А. Дмитревскаго „Русскіе на Аөонѣ“ (Спб. 1895 г.); проф. И. И. Соколова „Аөонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи“ (Спб. 1904 г.); архим. Леонида „Русскій монастырь св. Пантелеймона—Русикъ“ (годъ изд. не указанъ); проф. И. И. Соколова „Аөонъ“ („Правосл. Богосл. Энциклоп.“; т. 2, Спб. 1901 г. Указана литература объ Аөонѣ); „Любителя истинѣ“ „По поводу вопроса объ Аөонскомъ монастырѣ св. Пантелеймона“ (Спб. 1874 г.); монаха русскаго на Аөонѣ монастыря Пантелеймона (Сапожникова): „Письма съ Аөона о современныхъ подвижникахъ Аөонскихъ“ (Кіевъ, 1871 г.) и весьма мног. друг.

²⁾ Скончался „14 ноября 1885 г.“ Объ этомъ замѣчательномъ русскомъ инокѣ, „жившемъ на Аөонѣ 49 лѣтъ“ и скончавшемся „на 83

мы уже поминаемъ тебя за-упокой. Думали, что ты утонулъ. О. Гаврійль сталъ рассказывать о томъ, что съ нимъ случилось. Только по Вашимъ, батюшка, молитвамъ я и уцѣлѣлъ, говорилъ о. Гаврійль. Я уже совсѣмъ и не надѣялся остаться живымъ. Когда перевернуло лодку, я пошелъ ко дну. Было очень глубоко. Дойдя до дна, я сталъ пытаться выплыть на-верхъ, гдѣ,—подумалъ я,—быть можетъ, подадутъ помошь. Свободно сталъ подниматься... Достигнувъ поверхности воды, хотѣлъ-было за что-либо ухватиться, но сильная буря не дозволила сдѣлать этого, и я не могъ долго держаться на водѣ... Снова пошелъ внизъ. На днѣ морскомъ вода стала душить меня, и я уже достаточно ея набрался. Думалъ: тутъ мнѣ и конецъ. Вѣроятно, и всѣ, кто потонулъ, такъ-же-де мучились. Господи...—размышлялъ я,—прожилъ въ монастырѣ 25 лѣтъ... и вотъ пришлось утонуть въ морѣ... За какіе грѣхи? А впрочемъ, что мнѣ спрашивать обѣ этомѣ? Вѣдь вся моя жизнь была иерадивѣ... и Богу, видно, угодно, чтобы я утонулъ... Но одного жаль,—того, что, отправляясь въ море, я не взялъ у старцевъ благословенія, и что они, узнавъ о моей гибели, будутъ обо мнѣ скорбѣть... Но что я медлю на днѣ морскомъ? Попытаюсь снова всплыть на-верхъ. Можетъ быть, за что-либо тамъ и ухвачусь... И опять свободно сталъ подниматься на поверхность. Поднялся, оказался около парохода, ухватился за винтъ; но въ этотъ моментъ пароходъ далъ ходъ; меня оттолкнуло, и я опять пошелъ внизъ. Тяжко... Мучительно... Воздуху не хватаетъ. Соленая вода вызываетъ тошноту. Глаза рѣжетъ... Сталъ въ душѣ вызывать къ св. великомученику Пантелеймону, прося его помощи ради молитвъ моихъ святыхъ духовныхъ отцовъ... Силы мои, между тѣмъ,

году" жизни, чит. брошюру: „Геросхимонахъ Еронимъ, духовникъ русскаго на Афонской юрѣ Пантелеймонова монастыря" (Москва, 1887 г.)—А. Ковалевскаго; чит. еще у проф. А. А. Дмитриевской въ его книжѣ: „Русскіе на Афонѣ" (Спбургъ, 1895 г.; гл. 5—6, 10 и др.; приложение 2: „Автобіографія о. Еронима, духовника русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Афонѣ"); см. у И. Н. въ сочин. „Абхазія и въ ней Ново-Афонскій Симоно-Кананитскій монастырь" (Москва, 1899 г., стр. 316—321 и др.).. О. Еронимъ во-истину „кедръ благосънилиственный", подъ тѣнью котораго возрасли и расцвѣли духовно многие подвижники; это былъ ковѣдъ духовный" (стр. 3 у А. Ковалевскаго)... Чит. еще икона „Паренія „Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ"; ч. 4-я, Москва, 1855 г., § 181, стран. 264—270 и др. (указанны въ первомъ подстрочн. примѣч. на стр. 270-й).

совершенно ослабѣли. И я рѣшился еще разъ всплыть на поверхность не для того, однако, чтобы ухватиться за что-либо и попытаться спастись,—ни на что подобное я уже не разсчитывалъ,—а для того, чтобы оповѣстить «отцовъ», что тону. Хотѣлось проститься и попросить прощенія. Хотѣлось крикнуть о томъ, чтобы они передали старцамъ, что я утонулъ. Снова поднялся на-верхъ, сложилъ руки, поднялъ ихъ надъ головой и кричу «отцамъ», бывшимъ на пароходѣ: простите, отцы святые! Утопаю. Помолитесь обо мнѣ грѣшномъ... Я не пытался уже ни за что хвататься. И въ этотъ-то моментъ подбоцманъ схватилъ меня за руки... Я потерялъ сознаніе и не помню, что было дальше. Очнулся въ «матросской», гдѣ около меня сутились доктора и прислуга, приводившіе меня въ чувство... И вотъ теперь по Вашимъ молитвамъ св. великомученику Пантелеимону я живъ... О. Гаврійль отрекомендовалъ меня старцу-духовнику о. Іерониму и прибавилъ: вотъ, батюшка, Иванъ Васильевичъ обогрѣлъ меня, далъ мнѣ свой полушубокъ,—а то у меня все было мокрое,—и поддержалъ мою жизнь. О. Іеронимъ похвалилъ меня: ну, вотъ ты сдѣлалъ доброе дѣло, помогъ въ нуждѣ человѣку. Да вознаградить тебя Богъ,—сказалъ онъ мнѣ. При этихъ его словахъ я передалъ ему рекомендательное письмо изъ Петербурга отъ о. Макарія. Старецъ прочиталъ и, какъ бы отвѣчая на содержаніе письма, проговорилъ: хорошо, иди въ архондарику. Тутъ же стоялъ архондаричный отецъ Антоній. Привелъ меня въ архондарику, далъ чаю и прочаго, что мнѣ было нужно... И такимъ образомъ я вдоворился на Аeonъ.

На слѣдующій день я пошелъ въ келью, находившуюся въ церкви на хорахъ, гдѣ батюшка—о. Іеронимъ обычно исповѣдывалъ. Сталъ проситься у него въ число монастырской братіи. Старецъ совѣтовалъ не торопиться и хорошенъко осмотрѣться. Но мнѣ все монастырское очень понравилось, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ своего зачисленія въ составъ братіи. На другой день, посему, снова сталъ проситься у о. Іеронима. Но старецъ мнѣ указалъ на то, что у нихъ жизнь трудна, что они—де и сами едва ее выносятъ... А ты—де,—говорилъ онъ мнѣ,—ступай лучше въ Андреевскій скитъ. Тамъ жить легче, удобнѣе; тамъ нѣтъ грековъ, а одни лишь русскіе... Однако, я стоялъ на своемъ. Упорно просился въ его монастырь, говоря, что ни въ какой другой болѣе не пойду,—что я и ѿхалъ на Аeonъ съ однимъ намѣреніемъ—

поступить въ Пантелеимоновскую именно обитель и въ ней спасаться. Но батюшка все же не соглашался и раздумывалъ цѣлую недѣлю...

Началось всенощное бдѣніе на воскресенье. Я снова пошелъ къ батюшкѣ о. Ерониму. Пришелъ въ его келью. А у него сидѣлъ и о. Макарій ¹⁾). Прошусь въ обитель... Батюшка, обращаясь къ о. Макарію, говоритъ: никакъ отъ него не отобѣшься,—просится каждый день; шель бы въ другіе монастыри и осмотрѣль бы ихъ, и, гдѣ понравилось бы, тамъ бы и остановился. Вѣдь ты,—спросилъ онъ меня,—нигдѣ еще не былъ? Я снова повторяю прежннее: батюшка, да я прямо сюда именно ѿхалъ, а не въ другой какой-либо монастырь..., и если Вы не примете меня, то возвращусь обратно въ Россію. Тогда о. Макарій что-то тихо сказалъ о. Ерониму..., а этотъ лѣтній, обратившись ко мнѣ, произнесь: ну, иди! Молись! Я повернулся и пошелъ въ церковь. А здѣсь въ продолженіи всего бдѣнія, действительно, молился и такъ усердно, что не замѣтилъ, какъ оно и окончилось... Никакъ, однако, не могъ успокоиться, думал; принять ли я въ обитель, или нѣтъ?

На другой день послѣ обѣда я проходилъ коридоромъ мимо кельи о. Макарія. Тутъ стоялъ и о. Еронимъ. Съ трепетомъ сердечнымъ подошелъ я къ нему, сдѣлалъ поклонъ и жду, не скажетъ ли чего яснѣе по поводу вчерашней моей просьбы... О. Еронимъ ласково благословилъ меня..., очень ласково... Въ это время шель по лѣстницѣ мимо нась «рухольный». Батюшка подозрѣвалъ его къ себѣ и сказалъ: отецъ Гурій, дай Ивану Васильевичу подрясникъ. Тотъ отвѣтилъ: благословите! Потомъ принесъ ко мнѣ въ номеръ старый крашенінныій подрясникъ, башмаки, чулки, шапку, поясъ... Ну вотъ, братъ Иванъ Васильевичъ,—сказалъ онъ мнѣ при этомъ,— подрясникъ и ряска тебѣ старыя,—надѣвай, да спасайся, смиряйся и трудись. Я поблагодарилъ о. Гурія, взялъ принесенныя имъ вещи,—надѣль на себя подрясникъ, башмаки, ряску..., и до такой степени мнѣ все это понравилось, что я не зналъ,

¹⁾ Впослѣдствіи игуменъ Пантелеимоновскаго монастыря — ученикъ о. Еронима, „пользовавшійся большою извѣстностью и глубокимъ уваженіемъ не только на св. горѣ Афонской и въ своемъ отечествѣ“ (Россіи), „но и въ странахъ иностранныхъ“... Игуменировалъ съ 1875 г. Скончался „19 июня 1889 г.“ См. цитов. соч. проф. А. А. Дмитревскаго, специально посвященное собственно рѣчи объ о. Макаріи. См. цит. хангу И. Н., стр. 321—329...

какъ и нарадоваться монастырской одеждѣ... Я былъ ужеувѣренъ, что я—монастырскій послушникъ, а не просто паломникъ, случайно лишь и временно живущій на св. горѣ Аeonской...

Первое послушаніе я проходилъ въ кельѣ св. Евѳимія ¹⁾). Мнѣ жилось тамъ очень хорошо. Я съ усердіемъ копалъ землю и по окончаніи работы всякой разъ упрекалъ себя за то, что мало сдѣлалъ,—что мое «содержаніе» стоитъ дороже и что, посему, остаюсь въ долгу предъ своею совѣстью... Хотя мой старецъ о. Иродіонъ, подъ руководствомъ котораго я находился, всегда благодарилъ меня за то, что я будто бы очень усердно работалъ, но его похвалы я объяснялъ скорѣе его добротою, чѣмъ моими заслугами.

Спустя нѣкоторое время, я былъ переведенъ на братскую кухню. Нравилось очень мнѣ и здѣсь. Завѣдывавшій кухнею старецъ—грекъ о. Филиппъ велъ строгую жизнь и давалъ прекрасный примѣръ подчиненнымъ. Здѣсь я прожилъ около шести мѣсяціевъ.

Отсюда меня назначили въ литографію, а чрезъ три мѣсяца перевели келейникомъ къ незабвенному отцу Макарію, о которомъ уже было упомянуто выше.

14-го Марта 1864 г., по благословенію геронта Герасима, я былъ постриженъ въ монашество и облаченъ въ мантію. Постриженіе совершено отцомъ Макаріемъ, тогда еще іеросхі-монахомъ. Я получилъ имя Іерона. Въ 1866 году былъ рукоположенъ во іеродіакона, а во іеромонаха—23-го Марта 1875 года. Мнѣ было назначено «послушаніе»—должность помощника казначея. Въ отсутствіе же о. казначея я занималъ и его должность и несъ обязанности монастырскаго эконома.

«Братія» Пантелеимоновскаго монастыря (какъ и нынѣ) состояла, какъ уже сказано, изъ грековъ и русскихъ. До 1875 г. игуменомъ (геронтомъ) обители болѣе 60 лѣтъ былъ

¹⁾ Это—келлія „Преподобнаго Евѳимія Великаго, въ двухъ верстахъ отъ монастыря св. Пантелеимона на сѣверо—западъ, съ большимъ огородомъ. Церковь прежде была во имя св. Ioanna Предтечи, но когда пришла въ ветхость, возобновлена русскимъ монахомъ Иринеемъ (въ скимъ Евѳиміемъ), скончавшимся 8 сент. 1865 г.“ (см. „Русск. монаст. св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на святой горѣ Аeonской“; 7-е изд. Москва, 1886 г., стран. 162).

столѣтній старець—грекъ о. Герасимъ¹⁾. Въ его и грековъ распоряженіе передавались всѣ довольно щедрыя пожертвованія, въ то время поступавшія изъ Россіи въ пользу св. обители. Но управлѣніе русскою «братією» геронть передалъ двумъ старцамъ изъ русскихъ: упомянутымъ выше—духовнику о. іеросхимонаху Йерониму и ученику его и ближайшему помощнику—о. Макарію. Оба эти старца, однако, во всѣмъ подчинялись геронту Герасиму, хотя русскихъ иноковъ въ монастырѣ было и много больше, чѣмъ грековъ. Должно быть, въ виду этого послѣдняго обстоятельства, изъ опасенія, чтобы, по смерти геронта, игуменство и первенство въ обители не перешло къ русскимъ, греки рѣшили между собою выжить изъ обители всѣхъ русскихъ. Хитрыми поисками чрезъ вліятельныхъ лицъ изъ грековъ же они добились въ протатѣ (верховномъ духовномъ Правленіи на Аeonѣ) постановленія въ ихъ пользу, по ихъ желанію. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ актъ, скрѣпленный числившимися тогда въ протатѣ игуменами 14-ти аеонскихъ монастырей, при чѣмъ приложены были каждымъ и ихъ печати. Всѣхъ въ протатѣ было 20 представителей отъ святогорскихъ монастырей. Слѣдовательно, актъ былъ не подписанъ только шестью представителями отъ остальныхъ, состоявшихъ въ протатѣ, монастырей (и между ними Пантелеимоновскаго). Рѣшено было протатомъ, чтобы Пантелеимоновскій монастырь болѣе не назывался русскимъ, чтобы, за неспособностью будто бы русскихъ управлять монастыремъ, въ немъ игуменомъ всегда былъ грекъ,—чтобы

¹⁾ О чемъ см., напр., у проф. А. А. Дмитревскаго: стран. 82 цит. его сочиненія. Особенно чит. инона *Пароенія*, „Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ“; ч. 4; Москва, 1855 г. § 180, стр. 260—264. Ср. ч. 3-ю, М. 1855 г., стр. 64., § 75.. О томъ, что о. Герасимъ былъ „игуменомъ“ „болѣе 60-и лѣтъ“, о. Йеронѣ говорилъ, вѣроятно, на основаніи слуховъ, ходившихъ среди братіи, очень преувеличеннѣхъ... Какъ известно, „1832 г., февр. 16“ была получена „грамота изъ общаго управлѣнія св. горы отцамъ Русика, побуждающая ихъ избрать игумена своему монастырю... (см., книгу: „По по-воду вопроса обѣ Аеонскомъ монастырѣ св. Пантелеимона“—„Люби-телья истины“; Спб. 1874 г., стр. 140). „18 февр.“ былъ избранъ „іеромо-нахъ Герасимъ“ (стр. 141). „Въ 1833 году“ получена была „грамота вселенскаго патріарха Константія, подтверждающая... избраніе Гера-сима въ игумены“ (стр. 144) и данная „въ мѣсяцѣ мартѣ, индиктіона 6-го“ (стр. 150). До 1875 года, слѣдовательно, протекло не „болѣе 60-и лѣтъ“, а гораздо менѣе: 43—только...

«братія» русская во всемъ ему подчинялась и чтобъ игумену было предоставлено право уменьшать ее—братію, согласно его соображеніямъ и расчетамъ,—высылать излишнихъ изъ обители и т. п. Такъ открыто формулировалось определеніе протата. А тайно было предположено всю русскую братію отвести на турецкомъ пароходѣ въ Малую Азію и оставить въ какомъ-нибудь пустомъ монастырѣ. Когда для объявленія этого акта прибыли въ монастырь 6 человѣкъ изъ числа членовъ протата и когда была собрана вся старшая братія,—то старецъ о. Еронимъ, а съ нимъ и всѣ русскіе—отказались подписатьсь въ томъ, что актъ былъ имъ объявленъ, прочитанъ, и заявили, что игуменъ долженъ назначаться по общему избранію всей братіи обители, безъ различія, будуть ли то греки или русскіе,—а что объявляемаго имъ нынѣ акта протата они не признаютъ и не принимаютъ... И съ этимъ ушли изъ архондарика, гдѣ братія въ настоящій разъ была собрана для вышеназванной цѣли. Греки, такимъ образомъ, и на этотъ разъ оказались греками, оправдывавшими выданную имъ русскимъ лѣтописцемъ аттестацію...

Вскорѣ послѣ этого о. Макарій, уже въ теченіе двухъ лѣтъ состоявшій,—по желанію престарѣлого геронта Герасима и по избранію всей обительской братіи,—намѣстникомъ,—отправился въ Константинополь къ патріарху ¹⁾), захвативъ съ собою древніе акты, по коимъ монастырь былъ отданъ русскимъ еще въ 1169 году ²⁾). Первый главный актъ обѣ этомъ на пергаментѣ былъ подписанъ въ названномъ году 28-ю игуменами и представителями аѳонскихъ монастырей.

Въ Константинополь патріархъ, однако, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не допускалъ къ себѣ досточтимаго о. Макарія. И, должно быть, только благодаря воздѣйствію русскаго посланника—графа Н. П. Игнатьева, принимавшаго въ русскихъ естественное участіе, патріархъ, наконецъ, призвалъ къ себѣ о. Макарія и сказалъ ему, что онъ—патріархъ—быть введенъ въ заблужденіе греками, невѣрно освѣтившими ему русскихъ и ихъ дѣятельность. Патріархъ взялъ у о. Макарія монастырскіе документы, разсмотрѣлъ ихъ потомъ и, потребовавъ чрезъ нѣсколько дней его къ себѣ вторично, прямо сказа-

¹⁾ Іоакиму II (см. у проф. А. А. Дмитріевскаго: *стр. 185...*).

²⁾ При Мануилѣ Комнинѣ (см. 2-й т. „*Прав. Бог. Энцикл.*“; Спб. 1901 г., col. 205).

заль, что, согласно документамъ, русские являются вѣчными хозяевами Пантелеимоновскаго монастыря. А такъ какъ къ этому времени умеръ и игуменъ о. Герасимъ, то патріархомъ было немедленно сдѣлано распоряженіе, чтобы въ монастырѣ были произведены выборы новаго игумена. На мѣсто скончавшагося 10 мая 1875 г. на 105-мъ году отъ рожденія генеронта Герасима былъ избранъ игуменомъ 24 сентября того-же года о. Макарій большинствомъ голосовъ братіи, при чмъ за него высказывались даже и изъ числа грековъ—иноковъ обители. До такой, слѣдовательно, степени была обаятельна его личность! Затѣмъ патріархъ выдалъ о. Макарію актъ, утверждавшій его въ этой должности. Для этой цѣли вмѣстѣ съ о. Макаріемъ были посланы патріархомъ изъ Константинополя въ русскій Пантелеимоновскій монастырь два патріаршихъ экзарха.

Въ ихъ присутствіи, уже безъ всякихъ замѣшательствъ, и состоялось возвведеніе о. Макарія въ должность игумена, и ему былъ врученъ игуменскій жезль... Конечно, этимъ еще не совсѣмъ устранялась возможность возникновенія въ будущемъ недоразумѣній между русскими и греками... При-томъ, на востокѣ почти не прекращались осложненія всякаго рода между турками и христіанами, такъ или иначе отражавшія и на аеонской жизни. Въ ту пору надвигались зловѣщіе призраки русско-турецкой войны...

Упомянутый выше тогдашній посланникъ русскій въ Константинополь графъ Н. П. Игнатьевъ иногда посещалъ и старо-аеонскій Пантелеимоновъ монастырь. Въ 1875 году онъ также прибылъ сюда. Въ это время уже можно было считать оконченнымъ столкновеніе грековъ съ русскими, о которомъ выше была рѣчъ. Бесѣдуя со старцами—о. Иеронимомъ и о. Макаріемъ,—графъ, между прочимъ, сказалъ имъ: у Васъ обитель—благоустроенная,—братіи много... Чтѣ-бы Вамъ имѣть свой уголокъ въ Россіи, на Кавказѣ? Тѣмъ болѣе, что кавказская окраина нуждается въ проповѣдникахъ православной вѣры, въ укрѣпленіи ея тамъ... Вѣдь въ тѣхъ краяхъ есть множество запустѣвшихъ полуразрушенныхъ монастырей. Вотъ и возобновили-бъ Вы одинъ изъ нихъ... Отдѣлили-бъ туда извѣстную часть братіи, которая блюла бы тамъ чинъ и уставъ Аеонскій, и этимъ Вы принесли-бы Кавказу и вообще отечеству своему большую пользу... Старецъ Иеронимъ отвѣтилъ: если мы дѣйствительно можемъ принести тамъ пользу, то съ

радостью готовы послужить нашему дорогому отечеству. Только есть ли на это воля Божия? Графъ, съ своей стороны, сказалъ на слова старца:—я человѣкъ свѣтской и говорю Вамъ по своему личному разумѣнію, а узнавать волю Божію—уже Ваше дѣло. Но старецъ на это откровенно заявилъ графу: просить мы, Николай Павловичъ, не будемъ..., а если насы пригласять туда Высшія Особы,—это и будетъ для насы знакомъ, что на дѣло есть воля Божія... Такъ бесѣдовали между собою названныя лица. Весь разговоръ непосредственно слышалъ о. Еронъ, по обязанности казначея бывшій въ то время у старцемъ. Графъ ничего больше не говорилъ тогда по этому вопросу и уѣхалъ въ Константинополь.

Но задуманное имъ дѣло, какъ оказалось, не остановилось. Дній черезъ 15 послѣ графскаго отѣзда старцы получили отъ тогдашняго Намѣстника Кавказскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича, предложеніе — послать депутацію для выбора запустѣлого монастыря въ Сухумскомъ отдѣлѣ — на Кавказъ. Старцы немедленно же послали туда іеромонаха Арсения¹⁾ и съ нимъ двухъ монаховъ: Иоанна и Агапія.

Посланные прибыли въ Тифлісъ 26-го августа 1875 года. Имъ было указано на три разрушенныхъ монастыря: Симоно-Кананитскій, Драндскій и Бедійскій²⁾. Ихъ выборъ, сдѣланній ими 6-го сентября 1875 г., палъ на монастырь Симоно-Кананитскій. Начало было, такимъ образомъ, положено... И въ томъ же году эта, вновь возникавшая какъ бы изъ пепла, обитель была надѣлена, съ утвержденія Кавказскаго Намѣст-

¹⁾ По фамиліи „Минина“ (см. „Душепол. Собес.“; 1912 г., окт.; вып. 10-й, стр. 307; см. и стр. 308—309). См. особенно цитов. книгу И. Н. „Абхазія“..., стр. 333—338, 199—216. По поводу данной посланныхъ иноокамъ „инструкцій“... чит. у проф. А. А. Дмитревскаго стр. 276—282.

²⁾ На прекрасной „картѣ Абхазіи и Самурзаканіи“, составленной Н. Цилоссани и приложенной къ превосходной книгѣ И. Н. „Абхазія и въ ней Ново-Аеонскій Симоно-Кананитскій монастырь“ (Москва, 1899 г.), обозначены все эти три монастыря: первый, всѣмъ нынѣ известный, Ново-Аеонскій выше Сухума на морскомъ берегу,—второй — ниже Сухума—въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и третій еще ниже, въ предѣлахъ уже Самурзаканіи (а два первыхъ—въ Абхазіи),—въ значительномъ разстояніи отъ моря.—„Успенско-Драндскій монастырь (въ 4 в. отъ моря, въ 18 в. отъ г. Сухума)“ устроенъ позже Ново-Аеонскаго (въ 1883 г. іеромонахами Аеонскаго Иверскаго монастыря) на древнихъ „развалинахъ“ (см. у Л. И. Денисова: „Православные монастыри Российской Имперіи“; Москва, 1908 г., стран. 370—371). О „Драндѣ“ чит. еще у И. Н. стр. 129—131. О Бедіи см. ibid., стр. 136—138.

ника, въ достаточномъ количествѣ земельными участками для возведенія на нихъ храмовъ и другихъ монастырскихъ зданій, а также и для хозяйственныхъ «угодій». Дано было и дозволеніе приступать къ устройству обители. Но Высочайшее положеніе объ учрежденіи монастыря, вызванное ходатайствомъ строителей чрезъ посредство Св. Синода, послѣдовало только 8-го декабря 1879 года ¹⁾.

Согласно этому «положенію», новая обитель учреждена — какъ отрасль Аeonского Пантелеимоновского монастыря, и должна навѣрнѣ съ нимъ соблюдать общежительный старо-аенскій уставъ. При этомъ, на одинаковомъ основаніи съ находящимися въ Россіи греческими монастырями: Никольскимъ въ Москвѣ, Екатерининскимъ въ Кіевѣ и Ново-Ніамецкимъ Молдаванскимъ въ Бессарабіи ²⁾, она подлежитъ, въ отношеніи поведенія ея братіи, наблюденію мѣстнаго епархіального Начальства и Святѣшаго Синода, — а въ отношеніи внутренняго ея строя и хозяйственной части стоять въ зависимости отъ Пантелеимонова монастыря.

Въ помощь о. Еромонаху Арсенію строителемъ новой обители и экономомъ былъ назначенъ аенскими старцами о. Еронъ. Онъ такъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ.

Когда бывшіе на Аенъ для поставленія о. Макарія во игумена два патріаршихъ экзарха возвращались обратно въ Константинополь, то старцы послали меня провожать ихъ. Предъ отправленіемъ въ дорогу я зашелъ къ о. Макарію. Когда я уходилъ отъ него, онъ сказалъ, чтобы, во время моего пребыванія въ Константинополѣ, отецъ Азарія (монахъ въ столицѣ Турціи, управлявшій монастырскими — аенскими дѣлами) дать знать въ Сухумъ о. Арсенію о томъ, что я — въ Константино-

¹⁾ Чит. его у проф. А. А. Дмитревскаго: стр. 283—286. У И. Н. стр. 216—219. Въ „Душепол. Собес.“: 1912 г., окт., вып. 10-й, стр. 309—311.

²⁾ Никольский или „Николаевскій греческій 2 класса (съ 1764 г.)“. „Впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1390 г... Приписанъ къ Аенскому Иверскому монастырю“ (см. у Л. И. Денисова: „Православные монастыри Россійской Имперіи“; Москва, 1908 г., стр. 429—431). — „Кіево-греческій Екатерининскій 2 класса... зависитъ отъ Синайскаго монастыря“. „Основанъ въ 1744—48 г.г.“ Ко 2 классу причисленъ „въ 1786 г. ... (см. у Денисова: стран. 305). — „Ново-Ніамецкій Вознесенскій (или Кіцканскій) зависитъ отъ Ніамецкой лавры въ Румыніи. Основанъ въ 1864 г.“ Лежитъ „на берегу р. Днѣстра въ 10 верст. отъ города Бендеръ“... (см. у Денисова: стран. 47—48).

полъ. Спросить о. Макарія: для чего это было нужно — мнѣ было некогда. Прибывъ въ Константинополь, я передалъ монаху о. Азаріи слова о. архимандрита. Тотъ немедленно послалъ въ Сухумъ телеграмму о. Арсенію о томъ, что о. Іеронъ въ Константинополѣ. А о. Арсеній быстро же отвѣтилъ: пусть пріѣзжаетъ о. Іеронъ въ Сухумъ. О. Азарія показалъ мнѣ телеграмму о. Арсенія и сказалъ, что онъ меня требуетъ къ себѣ въ Сухумъ. Я съ удивленіемъ замѣчу ему, что Аeon-скіе старцы ничего не сказали мнѣ относительно моей поѣздки на Кавказъ. А о. Азарія говорить, что ему лично уже раньше было известно объ этомъ. Сообщено было для того, чтобы потомъ во-время дать знать о. Арсенію. Ноѣзжай,ничтоже сумняся, прибавилъ онъ. Тамъ о. Арсеній ждетъ тебя. Я возражаю: да я вѣдь ничего съ собою не взялъ изъ одежды; у меня нѣть даже и пары бѣлъя для перемѣны. А о. Азарія невозмутимо парируетъ: не беспокойся! Все необходимое дастъ тебѣ здѣшняя братія. Нечего было дѣлать. Сходилъ въ посольство. Взялъ для себя паспортъ и отправился въ Сухумъ...*)

Професоръ А. Бронзовъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.А. Бронзов

**Архимандрит Иерон,
настоятель Ново-Афонского
Симоно-Кананитского монастыря
(+14 августа 1912 г.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 5. С. 630-649.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](http://creativecommons.org/licenses/by-nd/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Архимандритъ Іеронъ, Настоятель Ново-Аөонскаго Симено-Кананитскаго монастыря

(† 14 августа 1912 г.) ^{2).}

III. На Кавказѣ ^{1).}

ПРИБЫЛЪ въ Сухумъ я 27-го ноября 1875 года ночью морскимъ путемъ (на пароходѣ). Не зная, что тамъ уже былъ монастырскій домъ, я отправился ночевать въ гостинницу. Не замѣтилъ я и того, что на томъ самомъ пароходѣ, на которомъ я пріѣхалъ, уѣзжалъ въ Россію изъ Сухума о. Арсеній.

Утромъ пришелъ ко мнѣ въ гостинницу монахъ о. Агапій, жившій въ Сухумѣ. Привелъ меня въ нашъ монастырскій домъ, и стали мы съ нимъ вдвоемъ жить тамъ, ожидая распоряженій о. Арсенія. Ждали мы, когда онъ прикажетъ начать построеніе новаго монастыря на выбранномъ мѣстѣ при рѣчкѣ Псыртсхѣ. Тамъ былъ древній полуразрушенный храмъ во имя

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣль.

²⁾ Объ „Абхазії“ и „Ново-Аөонскомъ монастырѣ“ чит. самыя подробныя, разностороннія и интересныя свѣдѣнія въ книгѣ г. И. Н. Абхазія охарактеризована „географически“, „исторически“... Изложена преинтересная исторія „христіанства“ въ этой странѣ. Освѣщена „археологія Кавказа и Черноморскаго побережья“. Данъ обстоятельный „исторический очеркъ“ Ново-Аөонскаго монастыря и пр. и пр. Въ прекрасной книгѣ масса иллюстрацій... Всего того, что уже напечатано, мы касаться почти не будемъ, насколько это возможно для нашихъ цѣлей. Наше намѣреніе: освѣтить личность строителя обители—о. Іерона и *почти исключительно* на основаніи доставленнаго намъ рукописнаго материала, хотя, конечно, по мѣстамъ и повторяющаго то, что уже было кое-гдѣ напечатано... Все это и просимъ имѣть въ виду.

св. Апостола Симона Кананита. Здѣсь быль замученъ послѣдній, и на его могилѣ, по преданію, затѣмъ быль выстроенъ въ честь святого мученика храмъ. Здѣсь же жилъ въ теченіе года вмѣстѣ съ Апостоломъ Симономъ и св. Апостолъ Андрей Первозванный ¹⁾). Вотъ это-то мѣсто и было признано болѣе удобнымъ, по сравненію съ Драндой и Бедіей, потому что находилось на самомъ берегу моря и, кромѣ того, здѣсь было больше удобной земли для огородовъ, садовъ и скотоводства. А вѣдь то, другое и третье такъ необходимо для монастырской жизни...

Мы извѣстили о. Арсенія о томъ, что я—Еронъ—пріѣхалъ съ Аенона. О. Арсеній передалъ отеческое свое благословеніе начинать постройку монастыря на Псыртсхѣ, поручая это дѣло мнѣ. Тогда назначено было подъ монастырь только 327 десятинъ земли. Границы обительскихъ владѣній были указаны приблизительно, безъ специальной отмежовки. Мѣсто это, густо заросшее кустарникомъ и колючкою, было крайне дико. Дорогъ не существовало никакихъ. Въ Сухумъ їздили отсюда верхомъ по берегу у самаго моря или на фелюгахъ (мелкихъ гребныхъ судахъ). Въ бурную-же погоду сообщеніе прекращалось.

На Псыртсху я прибылъ 2-го января 1876 года. Нужно было прежде всего избирать мѣсто для построенія монастыря. А это было очень трудное дѣло. Непроходимыя заросли по всей территории, которую Правительство назначило во владѣніе будущаго монастыря, вначалѣ не давали возможности ориентироваться и выяснить, гдѣ лучше всего было-бы строить обитель... Вѣдь постройки нужно было возводить на хорошемъ и во всѣхъ отношеніяхъ удобномъ участкѣ, такъ какъ онѣ предполагались «вѣчными», не временными... Требовалась крайняя осторожность... Гдѣ-бы лучше всего возводить капитальная зданія?! Рѣшено было сначала использовать старую развалившуюся крѣпость на самомъ берегу моря... и въ ней возвести постройки, всего болѣе необходимыя на первое время. А такъ какъ сразу-же требовались неотложно помѣщенія: для монашествующей братіи, для рабочихъ, для рабочаго скота,

¹⁾ Сравн. по этому поводу въ цитов. книгѣ И. Н. стран. 77—79 и др. Ср., между прочимъ, у архіеп. Серія «Полный Мѣсяцесловъ Востока», т. 2; 2 изд.; Владиміръ, 1901 г., стр. 488—489; 175—176. Чит. еще, напр., у архіеп. Філарета черниг.: «Житія святыхъ...; ноябрь; изд. 3-е; Спб. 1900 г., стр. 377—383. Ibid., май; изд. 3-е; Спб. 1900 г., стр. 197—198...»

для строительныхъ матеріаловъ...,—такъ какъ рабочіе не соглашались оставаться безъ жилищъ, подъ открытымъ небомъ...,—то приходилось возводить всѣ таковыя постройки на-скоро и изъ очень скромнаго матеріала: изъ досокъ. Помимо насущно-необходимыхъ построекъ, предметомъ первѣйшей надобности являлась вода. Посему я съ первого же дня своего пріѣзда на Псыртску обратился съ разспросами къ жившему тамъ старшинѣ, прося его показать всѣ водные источники на участкѣ, назначенному для монастыря. По осмотрѣ ихъ я пришелъ къ пріятному выводу, что имѣвшейся въ источникахъ воды будетъ совершенно достаточно для снабженія ею будущаго монастыря... Хотѣлось возможно скорѣе и вѣрнѣе, точнѣе узнать всю пред назначенную подъ обитель территорію: всѣ ея достоинства, преимущества, недостатки, слабыя стороны. Безъ этого нельзя было сообразить,—что, какъ и гдѣ можно было бы устраивать съ возможно болѣею для монастыря пользою. А для того, чтобы познакомиться съ монастырскимъ участкомъ, необходимо было сдѣлать просѣки или прорубы, такъ какъ иначе было положительно невозможно пролѣтѣть человѣку сквозь сплошную колючку, переплетавшую деревья и заросли. Требовались рабочія руки. Русскихъ рабочихъ не было на-лицо. А мѣстные жители не привыкли къ работамъ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ обычно нанимаются и работаютъ у насъ въ коренной Россіи. Нужно было пріучать ихъ—Абхазцевъ—работать по-найму, поденно, за условленную плату. Но легко было сказать: пріучать... Вѣдь здѣшніе Абхазцы считаютъ себя сынами свободы. По ихнему тогдашнему мнѣнію, наняться на работу—значило потерять свою свободу. Посему они ни за что не соглашались работать поденно... Они обычно берутъ извѣстные земельные участки для ихъ обработки за половинную долю будущаго урожая или на другихъ условіяхъ, заключаемыхъ ими съ землевладѣльцемъ,—то при этомъ всегда считаютъ себя хозяевами, а не работниками. По совѣту о. Арсенія, я всячески заботился о томъ, чтобы сдѣлать своими помощниками жившихъ около монастыря Абхазцевъ, и, нуждаясь, какъ сказано, въ рабочихъ рукахъ, предложилъ имъ черезъ переводчика—Абхазца, не согласятся-ли они вмѣстѣ со мною работать, помогать мнѣ—рубить лѣсъ и колючку? А нужно замѣтить, что окрестные Абхазцы каждый день сновали около меня въ количествѣ отъ 40 до 50 человѣкъ. Бывало, вертятся вокругъ меня съ утра до вечера съ цалдами (т. е., абхазскими

кривыми топорами на длинныхъ толстыхъ палкахъ) въ рукахъ... и смотрять, любопытствуя, какъ я рубилъ лѣсъ и колючку. Нередаю имъ: работать мнѣ одному не-удобно, да и мало сдѣлаю. При томъ-де, я не привыкъ къ этой работе и работаю лишь по нуждѣ крайней, за неимѣніемъ рабочихъ. Имъ-де, Абхазцамъ,—говорю,—это дѣло сродно, да, къ тому-же, они по цѣлымъ днямъ только стоять съ цалдами въ рукахъ и ничего не дѣлаютъ. А между тѣмъ могли бы заработать себѣ кое-что... Но Абхазцы и слышать ничего обѣ этомъ не хотѣли. Считали подобную работу совершенно немыслимою для себя. Среди нихъ были два человѣка, очень бѣдные, полунаагіе. Они, не имѣвшіе даже своихъ жилищъ и жившіе у другихъ, были молочными братьями моему переводчику. Я попросилъ послѣдняго уговорить ихъ работать, чтобы они могли такимъ путемъ что-либо заработать себѣ и купить одежду. Ты,—говорилъ я переводчику,—скажи Абхазцамъ, что ихъ заставилъ работать за плату сухумскій Начальникъ—генералъ Кравченко, котораго туземцы боялись. И эти два бѣдныхъ Абхазца съ большимъ страхомъ начали со мною работать поденно за условленную плату за каждый день.

При видѣ этого прочіе Абхазцы сначала очень встревожились,—однако, работавшихъ не трогали. Въ теченіе цѣлой недѣли, на глазахъ Абхазцевъ, я разсчитывалъ ежедневно двухъ своихъ работниковъ—бѣдняковъ. Наконецъ, въ субботу сказалъ имъ, что они вотъ уже порядочно заработали себѣ за недѣлю и, тѣмъ не менѣе, никакъ не сдѣлались подвластными ни мнѣ, ни кому-либо другому,—что какъ были они свободными, такъ и остались ими же... Вотъ и вы,—говорилъ я Абхазцамъ,—могли бы заработать себѣ тоже, что и эти двое. Въ понедѣльникъ Абхазцы стали собираться около меня... А я съ тѣми двумя изъ нихъ работаемъ, какъ и раньше... Когда Абхазцевъ собралось человѣкъ 60, т. е., почти всѣ тамъ жившіе, то чрезъ переводчика заявили, что, пожалуй, и они согласны работать, если только монахъ возьметъ всѣхъ ихъ на работу. Я сказалъ сейчасъ же: хорошо, работайте всѣ,—всѣмъ будетъ и равная цѣна... И Абхазцы, наконецъ-то, рѣшились нарушить свои древніе обычай: въ первый разъ теперь именно стали работать у русскихъ поденно за плату. Когда мнѣ нужно было что-либо сдѣлать, я обычно звалъ ихъ, бывало, и говорилъ: сдѣлайте мнѣ вотъ то-то и то-то, а я вамъ подарю за это что-либо. И они всегда въ

такихъ случаихъ работали у меня безъ отказа. А я послѣ, бывало, и даю имъ или лошадь, или корову, или хлѣба, или какія-либо вещи. Такъ я поступалъ въ теченіе всего времени, пока была нужда въ рабочихъ людяхъ.

До начала русско-турецкой войны было выстроено на берегу моря въ старой (XIII вѣка) генуезской крѣпости изъ камня на извести первое помѣщеніе въ башнѣ крѣпостной,—то самое, которое теперь находится среди дворянской гостиницы; были пробиты окна въ стѣнѣ башни и сдѣланы двери. Образовалось, такимъ образомъ, жилье въ два этажа. Нижній служилъ складомъ для продуктовъ и матеріаловъ; а въ верхнемъ этажѣ помѣщались монахи и посѣтители. Къ западной стѣнѣ старой крѣпости придѣлали пристройку одно-этажную на глинѣ, за неимѣніемъ извести. Здѣсь устроили гостиницу и кельи для братіи, просфорню и кухню съ трапезою,—все это—въ самомъ скромномъ видѣ. Затѣмъ былъ выстроенъ нѣсколько дальше отъ моря двухъ-этажный братскій корпусъ со школою для Абхазцевъ и церковю въ честь Покрова Пресвятой Богородицы... Постройки, словомъ, понемногу подвигались впередъ и впередъ.

Межу тѣмъ приближался разрывъ Россіи съ Турціей. Въ новой церкви пришлось мало послужить до русско-турецкой войны. Въ школу хотя и удалось собрать учениковъ—Абхазцевъ 20 человѣкъ; но учились они здѣсь не больше $1\frac{1}{2}$ -хъ мѣсяцевъ, послѣ чего пришлось школу закрыть. Война грянула... и, по приказанію Правительства, ученики были распущены по домамъ, а монахамъ на время войны было приказано удалиться въ Гелатскій монастырь близъ Кутаиса¹⁾.

По удаленіи монаховъ Абхазцы разрушили церковь и все, что дотолѣ было сдѣлано нами. Что имъ нравилось, взяли и унесли; а остальное сожгли... Вотъ какъ печально окончился первый періодъ построепія ново-аѳонской обители!

По окончаніи русско-турецкой войны я возвратился въ Абхазію,—къ созидавшемуся нами монастырю²⁾. Здѣсь—

¹⁾ „Гелатскій или Гаэнатскій Богородичный монастырь I класса“ лежитъ „въ 8 верстахъ къ с. зап. отъ Кутаиса“. „Основанъ въ 1110 г.“ Въ немъ—мощи „св. царя Давида III и правнучки его св. царицы Тамары“. Монастырь „необщежитительный“ и небольшой по числу братіи (См. у Денисова: цитов. соч., стран. 360—361)...

²⁾ О. Іеронъ „возвратился“ именно „1-го октября 1878 года“ (см. полученну мною съ Нового Аѳона рукопись подъ заглавіемъ: „Кѣ руко-

увы! — нашелъ все разореннымъ, сожженнымъ... Нужно было начинать опять съ самаго начала...

Выстроилъ себѣ шалашъ изъ досокъ, а другой—большихъ размѣровъ—для рабочихъ около старой крѣпостной стѣны... и опять началъ устраивать обитель. Изъ монашествующей братіи было только двое: монахъ Иоаннъ (впослѣдствіи схимонахъ Иппокентій) и послушникъ Михаилъ. Для другихъ ино-ковъ не было помѣщенія. Когда же выстроили корпусъ для жилья и отдѣльно—церковь въ честь Покрова Пресвятой Богородицы ¹⁾, тогда и стала прѣѣзжать братія со Старого Аѣона, примѣнительно къ числу имѣвшихся налицо иноческихъ келлій.

Іеромонахъ о. Арсеній скончался въ Москвѣ 17-го ноября 1879 года ²⁾. А въ слѣдующемъ 1880-мъ году я былъ вызванъ на Старый Аѣонъ. Здѣсь предстоялъ выборъ замѣстителя, о. Арсенія. Старцы—о. духовникъ іеросхимонахъ Іеронимъ и о. архимандритъ Макарій съ прочею братіею избрали шесть человѣкъ кандидатовъ на должность игумена въ новоустроемую Кавказскую обитель. Въ числѣ шести былъ записанъ и я. Каждый шагъ дѣлался съ молитвою. Рѣшеніе вопроса было предоставлено жребію, такъ какъ все кандидаты считались одинаково достойными... Жребій вынималъ самъ старецт.—о. духовникъ іеросхимонахъ Іеронимъ. Жребій паль на меня ³⁾. 4-го мая 1880 года въ храмѣ Покрова Пресвятой Богородицы во время литургіи архіепископъ Нилъ ⁴⁾ вручилъ

писи... о. Іерона краткія въ хронологическомъ порядкѣ свѣдѣнія изъ монастырской лѣтописи, послужного его списка и воспоминаній его учениковъ-илюковъ⁵⁾).

1) „Главный престолъ въ Покровскомъ храмѣ освященъ 3-го февраля 1879 г.“ (см. цитов. рукоп.: „Кѣ рукописи“ etc.).

2) „Съ этого времени во главѣ Ново-Аѣонскаго братства сталъ о. Іеронъ“ (см. „Кѣ рукописи“...).

3) Тогда же,—по свидѣтельству сообщившаго это свѣдѣніе одного изъ илюковъ Ново-Аѣонской обители,—т. е., въ 1880 г., о. Іеронъ принялъ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ и тайное постриженіе въ схиму.

4) Въ цитов. статьѣ „Душепол. Собесѣдн.“: 1912 г., окт.; вып. 10-й, стр. 311 „преосвященный Нилъ“ названъ „епископомъ Пентапольскимъ“. По словамъ проф. И. И. Соколова, этотъ Нилъ-Есфигменитъ (т. е., изъ монастыря Есфигменскаго на Аѣонѣ) въ санѣ архимандрита былъ избранъ въ 1867 г., по волѣ александрийскаго патріарха Никанора, мѣстоблюстителемъ александрийскаго патріаршаго престола, тогда какъ противники Никанора избрали, съ своей стороны, мѣстоблюстителемъ

мнѣ, іеромонаху Іерону, игуменскій жезлъ для управлениія новымъ монастыремъ на Кавказѣ, послѣ чего я и былъ отправленъ въ Симоно-Кананитскій Ново-Аѳонскій монастырь съ грамотою отъ старо-аѳонскихъ старцевъ къ братіи новой обители ¹⁾). Братія послѣдней встрѣтила меня, какъ новаго, для новой обители—перваго игумена, радушно...

И такъ, я отынѣ игуменъ. Теперь всѣ заботы по созиданію монастыря и управлению монастырскою братіею легли на меня...

Неудобство жить на одномъ дворѣ съ мірянами, недостатокъ въ помѣщеніяхъ для братіи, скудость пищи, недостаточность ея...—все это крайне тяготило прѣхавшихъ со Старого Аѳона иноковъ. Тогда какъ тамъ—на Старомъ Аѳонѣ на-лицо всякия удобства для монашеской жизни, здѣсь—на Новомъ Аѳонѣ—были только крайнія лишенія. Вслѣдствіе этого нѣкоторые иноки не вытерпѣли послѣднихъ и уѣхали обратно на Старый Аѳонъ. А оставшаяся на Кавказѣ братія крайне тяготилась жить безъ монастыря, отдѣльного для монашествующихъ. Такого рода монастыря, впрочемъ, и не предполагалось строить у моря—внизу. Здѣсь монахи,—предпо-

архим. Евгенія Данкоса. Въ мартѣ 1869 г. Нилъ, будучи уже митрополитомъ Пентапольскимъ, былъ избранъ на постъ александрийскаго патріарха (послѣ Никанора). Но избраніе было оспорено константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ 6-мъ: указывалъ на то, что Нилъ, какъ аѳонецъ, долженъ быть подчиняться вселенскому престолу. Нилъ протестовалъ, въ свою очередь, говоря, что онъ—уже Пентапольский и, следовательно, независимъ отъ константинопольскаго...—но безуспѣшно. Въ 1870 г. на александрийскій престолъ былъ избранъ бывшій вселенскій патріархъ Софоній съ наименованіемъ 4-мъ (1870—1899 г.г.). А Пентапольскій митрополитъ оказался въ опалѣ. Въ 1872 г. онъ обратился къ константинопольской церкви съ просьбою простить его. Синодъ простилъ (притязанія Нила на александрийскій патріаршій престолъ) и призналъ его—какъ іерарха православной Восточной церкви. Но Нилъ, тѣмъ не менѣе, оставался не у дѣла. Жилъ то на Аѳонѣ, то на Патмосѣ, существуя перепискою рукописей... (см. „Истор. Христ. церкви въ XIX в.“—изд. проф. А. П. Лопухина; т. 2, Спб. 1901 г. стр. 224—226. „Исторія греческихъ церквей“ написана проф. И. И. Соколовымъ, отъ которого мы получили о митр. Нилѣ, кромѣ того, и устныя сообщенія). Онъ-то (называемый у однихъ архіепископомъ, у другихъ—епископомъ)—митрополитъ Пентапольскій—и вручилъ о. Іерону игуменскій жезлъ...

1) „Утвержденіе“ въ санѣ „игумена“ состоялось „7 мая“ (см. „Кѣ рукописи“...), каковымъ числомъ и датирована „грамота“ (ср. у И. Н. стр. 220).

лагалось,—должны были пожить лишь временно, пока не будетъ выстроенъ для нихъ верхній монастырь. А у моря должны были быть выстроены лишь гостиницы для богомольцевъ и для всѣхъ временныхъ посѣтителей обители, а также и всѣ хозяйственныя зданія.

Для монастыря требовалось мѣсто, какъ сказано, и довольно обширное, и во всѣхъ отношеніяхъ удобное,—прежде всего— здоровое и съ чистымъ воздухомъ. И старецъ о. Еронимъ говорилъ мнѣ лично и послѣ писаль, чтобы избрано было для монастыря именно такое мѣсто со всѣми удобствами, такъ какъ монастырь—учрежденіе вѣчное, и его слѣдуетъ, посему, устраивать фундаментально, крѣпко... Тебѣ,—писаль мнѣ старецъ этотъ,—Богомъ суждено строить новый монастырь. Такъ смотри же, не сдѣлай ошибки. Вѣдь тебѣ Богъ судилъ только выстроить обитель, а жить въ ней будутъ другіе и послѣ тебя. Если выстроишь удобную и хорошую, тогда братія, которой придется жить въ ней, будетъ молиться за тебя и благословлять, а если неудобную..., то будетъ проклинать. Старайся-же заслужить благословеніе, а не проклятие. И красота мѣста,—писаль старецъ,—не мѣшаетъ спасенію, а напротивъ, располагаетъ къ молитвѣ и благодарности Богу...

Много было нередумано по вопросу о выборѣ мѣста подъ монастырь. Разсуждали такъ: если строить его около древней церкви св. Апостола Симона Кананита, что, повидимому, было бы всего естественнѣе, то тамъ, къ сожалѣнію, оказалось бы и тѣсно, и нездороно: по причинѣ постоянной тяги изъ ущелья, тамъ всегда заболѣваютъ отъ простуды. Если строить монастырь на откосѣ горы, гдѣ теперь онъ и устроенъ, то потребовались бы неимовѣрные труды отъ строителей: нужно было бы срѣзать цѣлую гору, чтобы получилась необходимая площадь подъ храмы, зданія и дворъ. Неимовѣрные труды...,—но иного исхода не оказывалось. И нужно было рѣшиться на этотъ именно выборѣ, не взирая ни на какія предстоявшія трудности, лишь бы монастырь имѣлъ хорошій видъ, здоровый воздухъ и хорошую проточную воду... Я рѣшился.

Написалъ старцамъ о выбранномъ мною мѣстѣ,—описалъ всѣ препятствія, трудности и неудобства для постройки,—но, съ тѣмъ вмѣстѣ, сказалъ и о томъ, что, если потрудимся вдоволь и устроимъ въ концѣ концовъ здѣсь монастырь,—то въ результатѣ получится пѣчто восхитительное, чудесное: непередаваемо-красивая панорама, единеніе, здоровый воздухъ и

живая-проточная, родниковая вода...,—все это будетъ на-лицо и къ услугамъ обители и ея насельниковъ.

Старецъ о. Иеронимъ благословилъ строить и велѣлъ не бояться ожидавшихъ насть трудностей, лишь бы хорошъ былъ окончательный результатъ хлопотъ и трудовъ. А мѣстная братія ново-аѳонская настроена была пессимистически. Она паходила совершенно невозможнымъ дѣломъ построить монастырь на такомъ неприступномъ мѣстѣ—на полу-горѣ, где не было площади для двора... Пропшу у старцевъ старо-аѳонскихъ благословенія на начало постройки обители и—денегъ на это дѣло. Мы отвѣчаютъ: благословеніе на постройку монастыря даемъ, а денегъ на это у насъ нѣть и не жди ихъ отъ насъ. Мы давали Вамъ средства на первоначальная необходимыя постройки и на Ваше пропитаніе. А на постройку монастыря денегъ не имѣмъ и не можемъ дать... Такъ и знай... Если есть у тебя деньги, начинай постройку; а если нѣть, подожди. Когда будуть, тогда и начнешь. А на насъ не надѣйся. Отвѣтъ былъ, слѣдовательно, не утѣшительный¹).

Въ 1884 году пріѣхалъ сюда путешествовавшій въ Іерусалимъ и заѣзжавшій на Старый Аѳонъ сілабужскій купецъ, Вятской губерніи, Иванъ Ивановичъ Стакѣевъ, который вездѣ щедро раздавалъ деньги на богоугодныя заведенія и на монастыри. Мнѣ онъ далъ на нашъ новый монастырь 1000 рублей. Да отъ разныхъ другихъ посѣтителей у меня было собрано 200 рублей. Такимъ образомъ получилась сумма въ 1200 р. Располагая ею, я стала просить у старца-духовника о. Иеронима благословенія начать постройку монастыря, объясняя ему,

¹) Тѣмъ не менѣе окружавшіе о. Иерона Абхазцы воображали его богачемъ, отъ которого можно было кое-чѣмъ юживиться... 26-го февраля 1881 г. ночью въ келью о. Иерона пронзился изъ коридора одинъ Абхазецъ. Отецъ архимандритъ, однако, проснулся. Неизвѣстный посѣтитель, услышавъ это, выбѣжалъ въ коридоръ. Но вслѣдъ за пимъ выбѣжалъ и о. Иеронъ. Разбойниковъ-грабителей, къ несчастью, оказалось нѣсколько человѣкъ, поджидавшихъ здѣсь передового..., и отъ нихъ плохо досталось о. архимандриту. Онъ потомъ очнулся лежащимъ на полу въ коридорѣ съ раною на головѣ и окровавленнымъ. Около него стоялъ одинъ изъ иноковъ, выбѣжавшій на шумъ изъ кельи въ коридорѣ. Абхазцы же скрылись. Рапа о. Иерона, къ счастью, оказалась—по милости Божіей—легкою, излѣчимою... (см. „Кѣ рукописи“ етс.). Однако-же, хорошо платили Абхазцы благоволившему къ нимъ монастырю (припомните, что и во время русско-турецкой войны покинутый монастырь, по словамъ о. Иерона, пострадалъ отъ Абхазцевъ слишкомъ вѣщательно)...

что у меня имѣется въ рукахъ для этой цѣли капиталъ въ 1200 рублей. Пишу старцу: батюшке! Сумма эта, конечно, ничтожна для такого великаго дѣла, но я уповаю на милость и помощь Божию. Если Вы благословите, то Господь, по Вашимъ святымъ молитвамъ, поможетъ намъ. Теперь средствъ больше нѣть,—а отлагать постройку дальше боюсь: какъ бы Вы не отошли ко Господу... А безъ Васъ что же я? Посему, пока Вы живы, преподайте мнѣ Ваше отеческое благословеніе начать постройку нагорнаго для монашествующей братии монастыря, который отвѣчалъ бы всѣмъ подлиннымъ ея нуждамъ.

Старецъ о. іеросхимонахъ Іеронимъ, въ отвѣтъ на мое къ нему обращеніе, прислалъ со Старого Аѳона письмо, гдѣ писалъ: Богъ благословить и я даю свое отеческое благословеніе тебѣ—начать и совершить обитель во славу Пресвятой Троицы—Отца и Сыпа, и Святаго Духа. А о томъ, что у тебя нѣть денегъ на построеніе монастыря, не унывай. Все будетъ и преизбудеть... Только живите по-монашески...

Разъ было получено мною отъ старца отеческое благословеніе,—не о чѣмъ было больше и разсуждать. Я приступилъ къ работамъ на горѣ, на томъ ея мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоять монастырь¹⁾). Стали рубить лѣсъ, расчищать колючку, а затѣмъ и копать землю подъ фундаментъ для монастырскихъ стѣнъ. А такъ какъ выбранное мѣсто было довольно крутымъ склономъ горы, то потребовалось срѣзать очень много земли, чтобы образовалась ровная площадь... Трудновато было, но приходилось переносить все съ терпѣніемъ и твердой рѣшимостью вести дѣло впередъ, не взирая ни на какія препятствія. И вели... Всю срѣзанную землю сваливали подъ откосъ горы и въ глубокій ровъ предъ строившимся зданіемъ. Это облегчало работу: не было надобности далеко отвозить землю, на что потребовались бы и время, и масса труда. Земля вмѣстилась подъ откосомъ горы. Благодаря ей, кромѣ того, засыпаны были и рвы. Предъ монастыремъ, на разстояніи 12-ти отъ него сажень, выстроили высокую и крѣпкую стѣну—упоръ, чтобы на мѣстѣ рва между зданіями монастыря и этою стѣною могла образоваться площадь. Для этой цѣли къ стѣнѣ ссыпалась вся земля, какую срѣзывали внутри монастыря. А такъ какъ эта земля

¹⁾ Начатыя въ 1884 г. работы по возведенію обширныхъ зданій верхняго монастыря окончены—всѣ къ 1912 г. (см. „Кѣ рукописи“ etc.)

была по-поламъ съ камнемъ, то камень отбирали и употребляли на постройку стѣнъ. Каменную работу производили мастера—греки, переселившіеся въ Сухумъ изъ Трапезунда. Близъ Сухума была дана имъ земля, и тамъ образовалось нѣсколько греческихъ селеній, преимущественно изъ мастеровъ-каменьщиковъ. Артель мастеровъ-грековъ состояла изъ 12-ти человѣкъ. Во главѣ стоялъ мастеръ Христофоръ Пуло. Хорошо зная свое дѣло, они работали поденно и первого числа каждого мѣсяца получали заработанную плату. Но артель постепенно уменьшалась до 10-ти, 8-ми, 6—4-хъ человѣкъ. Средства мои скоро оскудѣли. Платить рабочимъ—нечѣмъ... Слѣдовательно, нельзя было и продолжать работы. Но и остановить послѣднюю было крайне нежелательно. Я понималъ, что какъ только работа остановится, такъ все и запустѣтъ. Иное разсохнется и разсыплется, иное заростетъ травой и т. д. А когда работа опять возобновится,—сказать было бы трудно. Посему,—думалъ я,—пусть работаютъ хотя бы 4 липы человѣка. Но наступалъ срокъ уплаты мастерамъ денегъ за мѣсяцъ. Но недостатку средствъ, имѣвшихся въ моемъ распоряженіи, уплаты производилась съ большими обычно затрудненіями. Разсчитавъ рабочихъ, я, бывало, и говорю Христофору, что испытываю недостатокъ въ деньгахъ, почему-де и простоянавливаю работу на-время. Вы-де уходите и ищите себѣ дѣла въ другомъ мѣстѣ. Христофоръ же, бывало, отвѣчаетъ: работа есть въ Сухумѣ или Боржомѣ, но намъ не хотѣлось бы уходить изъ монастыря. Но сравнию съ Сухумомъ, мы получаемъ здѣсь—съ Вась на 20 коп. меныше въ день,—говорилъ Христофоръ,—но, тѣмъ не менѣе, жить у Вась намъ все же выгоднѣе, чѣмъ въ городѣ: тамъ невольно расходуешь деньги совершенно напрасно, встрѣтившись, напр., со знакомыми и пр.,—а здѣсь у пасъ шѣть никакихъ расходовъ, почему и не хотѣлось бы уходить отсюда, да, кромѣ того, у Вась и дѣла много... Дѣла-то много, говорю я ему, но денегъ на уплату рабочимъ у меня—увы!—нѣть. Христофоръ уйдетъ въ свое помѣщеніе... Рабочіе надѣнуть, бывало, на себя свои сумочки съ инструментами... и, повидимому, уходять. Придетъ пароходъ, дастъ уже второй свистокъ,—а Христофоръ снова идетъ ко мнѣ и спрашивается: что же? Бхать памъ на пароходѣ или оставаться еще на мѣсяцъ? Подумаю, бывало, и... соглашусь оставить рабочихъ на слѣдующій мѣсяцъ. Мѣсяцъ этотъ проходитъ. Въ концѣ его опять съ большимъ трудомъ отыщу деньги для расчета. Разсчитаюсь...

и снова, бывало, предложу рабочимъ, чтобы уходили... Христофоръ не прекословитъ, но, при отходѣ парохода, опять придется проститься и опять предложить оставаться и... остается. Хотѣлось, чтобы работа понемногу подвигалась впередъ. Она и подвигалась..., грозя ежеминутно оборваться. И такимъ-то образомъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изо дня въ день тянулись работы больше двухъ лѣтъ. Случалось, что подъ вліяніемъ скорби что-либо и колко скажешь мастерамъ. Но Христофоръ былъ настолько терпѣливъ, что не обращалъ на это никакого вниманія..., лишь-бы только ему не уходить изъ монастыря. Рѣдкій былъ человѣкъ! И, благодаря всему этому, работа не прекращалась никогда... Хотя лишь четыре человѣка, по все же работали непрерывно... Да и старцы аѳонскіе, хотя и сказали, повидимому, рѣшительно, что не дадутъ денегъ на постройку начатаго монастыря..., но, тѣмъ не менѣе, крайняя нужда заставила меня убѣдительно просить ихъ о помощи. Зная ихнюю доброту, я послалъ на Старый Аѳопъ о. іеромонаха Мелетія, который своими глазами видѣлъ всю нашу нужду, всей душой сочувствовалъ нашему дѣлу и самъ лично неустанно трудился надъ расчисткою мѣстности около монастыря.

Іеромонахъ Мелетій, по пріѣздѣ на Аѳонъ, ознакомилъ старцевъ со всѣмъ ходомъ дѣла и потомъ усердно молилъ ихъ помочь намъ. Старцы скалились и дали 14.000 рублей. Это было уже серьезное подспорье. Когда была получена нами эта сумма, дѣло пошло впередъ уже иѣсколько гладже, легче. И послѣ аѳонскіе старцы уже постоянно оказывали намъ прочную денежную помощь. На постройку собора, напримѣръ, они дали 100.000 рублей. Они же выстроили въ въ С.-Петербургѣ для Нового Аѳона подворье и послали туда отъ себя іеромонаховъ, пѣвчихъ и полный комплектъ братіи. Съ Божію помощью дѣло на подворье пошло хорошо, и, благодаря этому, для новостроившейся Ново-Аѳонской обители открылся постоянный источникъ доходовъ (отъ добровольныхъ приношеній столичныхъ обывателей) на строительное дѣло, что и дало возможность продолжать работы монастырскія на Кавказѣ.

Внутри Ново-Аѳонскаго строившагося монастыря пришлось срѣзать очень много земли, чтобы такимъ путемъ могла образоваться въ обители ровная площадь, при чемъ вся земля, какъ обѣ этомъ уже было сказано, ссыпалась за террасу на откосъ горы. Масса насыпанной рыхлой земли раскисля отъ

дождей и поползла внизъ, ничѣмъ не сдерживаемая. Ползла до тѣхъ поръ, пока не наткнулась на слабый уклонъ въ откосѣ, послѣ чего остановилась. Сползвшая масса вызвала тревогу: всѣ, наблюдавшіе за ней, заключили, что ползетъ вся гора, а не пасынная лишь земля... Начали думать, что тронется и поползетъ внизъ и монастырская постройка. Инонки наши сейчасъ же стали жаловаться аѳонскимъ старцамъ на своего настоятеля, т. е., на меня, и писали, что гора ползетъ внизъ, а Іеронъ, тѣмъ не менѣе, все продолжаетъ и продолжаетъ постройку. Обезпокоенные старцы потребовали отъ меня объясненія, каковое я, конечно, и далъ. Я увѣрялъ старцевъ, что подъ монастыремъ грунтъ—хорошій и что зданіе монастырское стоитъ прочно, а что внизъ ползетъ лишь насыпанная земля, вывезенная извнутри монастыря. Хотя старцы и повѣрили мнѣ, но для общаго успокоенія вызвали изъ Петербурга архитектора Н. Н. Никонова, который строилъ подворье въ столицѣ. Архитекторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ постройки и все прочее и, съ своей стороны, всѣхъ увѣрилъ, что для монастыря нѣть рѣшительно никакой опасности. Старцы успокоились. А я воспользовался благопріятнымъ случаемъ и попросилъ этого архитектора начертить планъ будущаго монастырскаго собора, хотя еще и не было рѣшено строить его. Хотѣлось просто только имѣть этотъ планъ. А кромѣ того, предполагалъ вѣдѣвать его въ рамку подъ стекло и повѣсить на видномъ мѣстѣ съ кружкою и надписью, разсчитанною на посѣтителей обители: «на построеніе собора». Авось, явятся.—думалъ я,—и жертвователи... Я разяснилъ архитектору, какой именно «соборъ» желательно было бы имѣть. въ какомъ стилѣ и пр. Архитекторъ быстро сѣдѣлъ черновой чертежъ и такъ удачно, что не было надобности измѣнять его ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Оставалось только начертить весь планъ почине набѣло,—фасадъ предполагавшагося соборнаго храма и разрѣзъ его ¹⁾...

¹⁾ Такъ-то и шло время... Въ сущѣ, въ строительныхъ хлопотахъ и заботахъ..., непрерывныхъ, усиленныхъ... И всюду при этомъ такъ или иначе сказывалось участіе о. Іерона. Объ этого рода постройкахъ подробно разсказывается въ печатныхъ источникахъ, вапр., въ цитов. книгѣ г. И. Н. и друг. Отсылая любознательныхъ къ послѣднимъ, отмѣтимъ только то, что упомянуто въ цитов. рукописи: „Къ рукописи“... 10-го мая 1882 г. былъ освященъ реставрированный, дотолѣ лежавшій въ развалинахъ, древній храмъ во имя св. Апостола Симона Кананита=Зи

Въ 1888 году ждали на Кавказъ Государя Императора съ Августѣйшимъ Его Семействомъ, и потому всюду шли дѣятельныѣйшія приготовленія къ столъ рѣдкой и столъ желанной встречѣ Высокихъ Гостей. Извѣстно было, въ частности, что Они посѣтять и нась, нашу молодую обитель. Готовились, посему, и мы... Вотъ мнѣ и пришла въ голову мысль: не удостоить ли Государь Своими Царскими руками заложить нашъ соборный храмъ, который со временемъ станемъ строить, въ зависимости, т. е., отъ материальныхъ средствъ обители? Я стала просить у старцевъ благословенія на приведеніе

лота (выстроенъ на мѣстѣ, „гдѣ, по древнему преданію Абхазцевъ и Грузинъ“, св. Апостолъ „и былъ погребенъ“: см. у *И. Н.* стр. 200). Къ декабрю того же года была устроена бетонная плотина чрезъ рѣку Псыртеху... Въ 1885 г. былъ переданъ монастырю Пицундскій скитъ, который затѣмъ и былъ возобновленъ, а находящійся въ немъ и реставрированный теперь храмъ былъ освященъ (см. подробности о „Пицундѣ“ у *И. Н.*, стр. 92—105) (у *Л. Денисова* на стр. 370 сказано: „скитъ“ этотъ „мужской въ 60-и верстахъ“ отъ Нов. Аеона; „былъ построенъ въ 551 г. импер. Юстиніаномъ I“...). Въ 1888 г. въ Петербургѣ состоялось освященіе главнаго и придѣльныхъ храмовъ въ подворье Ново-Аеонской обители (Забалканскій пр. 25). Подворье это, о которомъ упоминалось выше, было выстроено прикомандированнымъ къ Ново-Аеонскому монастырю о. іеромонахомъ Иларіономъ, нынѣшнимъ достопочтеннѣмъ Настоятелемъ обители (послѣ о. Іерона), а раньше Кааначеемъ и Намѣстникомъ и, слѣдовательно, ближайшимъ помощникомъ о. Іерона... Заботы и хлопоты по устройству новой обители прерывались хлопотами по приему гостей, тѣмъ болѣе, что Новый Аеонъ уже на самыхъ первыхъ порахъ по водвореніи въ немъ иноковъ привлекалъ къ себѣ усиленное вниманіе православнаго люда. Такъ, 10-го іюня 1880 г. обитель посѣтилъ самъ Намѣстникъ Кавказа—Великій Князь Михаилъ Николаевичъ [отъ него чрезъ годъ послѣ того, именно, 2 сентября 1881 г., о. Іеронъ былъ удостоенъ милостиваго рескрипта за устройство и благоустроеніе обители (ср. обѣ этомъ и у *И. Н.*, стр. 220 и у друг.); впрочемъ, о. Іеронъ около того же времени получилъ и другія награды за свои огромные труды по сооруженію монастыря: палицу въ 1880 г., наперсный крестъ въ 1884 г.]. Съ 1887 г. по 31 марта 1889 г., т. е., по день своей кончины, въ монастырѣ жилъ первый Сухумскій епископъ Геннадій, здѣсь затѣмъ и погребеный (см. и у *И. Н.*, стр. 226)... А кромѣ того, иноки никогда не забывали своей главной дѣятельности—миссіонерской среди дикаго края и проповѣдывали православіе какъ словомъ своимъ, такъ и жизнью... и, конечно, не-бездѣлно, о чемъ свидѣтельствуютъ, напр., случаи крещенія и присоединенія къ православной вѣрѣ Абхазцевъ и вообще иновѣрцевъ: въ 1876 г., въ 1880, 1882, 1886 и послѣ, напр., въ 1900... (обѣ этомъ см. и у *И. Н.*, стр. 219, 220...)... О. Іеронъ вдохновлялъ, направлялъ, руководилъ, горѣлъ непрерывно, заряжая и всѣхъ другихъ своею исключительною и рѣдкостною энергию...

моей мысли въ осуществлениѣ, предлагая имъ ко времени приѣзда Государя очистить подъ соборъ хотя бы часть мѣста, гдѣ предполагалась мною его постройка,—чтобъ хотя бы на уголкѣ можно было сдѣлать «закладку». Такъ приблизительно я говорилъ. Старцы, хорошо зная, что у меня нѣтъ денегъ, необходимыхъ на приведеніе моей затѣи въ исполненіе, затруднились дать мнѣ свое благословеніе на то, о чемъ я ихъ—моихъ старо-аѳонскихъ руководителей—просилъ. А если Государь,—писали они мнѣ,—спросить: есть ли деньги на постройку собора... и если узнаетъ, что ихъ нѣтъ въ Вашемъ распоряженіи,—то вѣдь, пожалуй, оскорбится... Рисковать, посему, нельзя. Но я снова сталъ просить старцевъ аѳонскихъ о томъ же и томъ же, желая воспользоваться столь исключительнымъ случаемъ. И старцы, наконецъ, дали свое согласіе... Такъ какъ дотолѣ не было «ѣздовой» дороги снизу—отъ пристани вверхъ—къ мѣсту, гдѣ послѣ быль выстроены соборъ..., то теперь усиленно стали ее устраивать, пока не прибылъ Высокій Гость. Думали, что Онъ едва ли согласится подниматься пѣшкомъ къ мѣсту предполагавшейся закладки собора ¹⁾.

Государь Императоръ прибылъ на Новый Аѳонъ 24-го сентября 1888 г. Для встрѣчи Его выѣхали въ море о. Іеронѣ и о. іеромонахъ Рафаилъ—представитель Старого Аѳона, командированный сюда специально ради этого торжественнаго случая. Государь и Императрица ласково привѣтствовали ихъ на берегу. Въ Покровской церкви, куда Гости направились, Они были встрѣчены Сухумскимъ епископомъ Геннадіемъ, скавшимъ по этому случаю трогательную прѣчъ. Въ храмѣ были, кромѣ Государя и Государыни, Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣшній Государь Императоръ Николай Александровичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Отсюда Августѣйшие Паломники въ экипажахъ проѣхали по проложенной «шоссейной дорогѣ» къ мѣсту закладки собора и приняли въ ней

¹⁾ Доселѣ наша рѣчъ велась на основаніи рукописныхъ автобіографическихъ сообщеній о. Іерона. Далѣше: о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Новаго Аѳона въ 1888 г. будемъ говорить на основаніи сообщеній отца же Іерона и „братіи“ обители, напечатанныхъ въ особой специальной брошюре [„Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами съ Августѣйшимъ Семействомъ Новаго Аѳона на Кавказѣ 24-го сентября 1888 года“ (Одесса, 1894 г.)], полученной нами съ рукописными въ ней обительскими добавленіями.

участіє, послѣ чего Государь разсматривалъ «планы и фасадъ новаго» храма «и всего монастыря», «приготовленные и разложенные въ» особой «палаткѣ вблизи закладки собора». Дававшій объясненія о. Иеронъ сказалъ при этомъ, «что на постройку монастыря составлялъ черновой планъ» онъ, а «на соборъ»—вышеупомянутый «архитекторъ Никоновъ». Дальше Государю было благоугодно посѣтить храмъ св. Апостола Симона Кананита, куда Онъ дошелъ пѣшкомъ... Отсюда въ экипажахъ «отправились» въ монастырскую «школу», потомъ къ епископу Геннадію—въ его скромное помѣщеніе. Послѣ «убогаго монастырскаго угощенія», Государю благоугодно было принять скромнѣйшіе монастырскіе подарки и въ особой книгѣ «засвидѣтельствовать о своемъ пребываніи въ обители собственно рукою подписью». Для этого о. Иеронъ, по желанію Государя, долженъ былъ отыскать гусиное перо. Послѣ Государя подписались и прочіе Августѣйшіе Паломники... и друг. Государь милостиво поблагодарилъ о. Иерона и отбылъ изъ обители. «Въ памяти у меня останется посѣщеніе вашей обители»... Эти слова Императора—Государя, сказанныя при прощаніи съ о. Иеропомъ, навсегда останутся въ памяти ново-аѳонскихъ иноковъ, которые, проводивъ Высокаго Гостя, затѣмъ отслужили «благодарственный» Господу молебень... и горячо помолились «о здравіи и спасеніи» дорогихъ Посѣтителей Нового Аѳона. Часа черезъ три по отбытіи Гостей (добавляется рукописная въ брошюре прибавка), адъютантъ привезъ отъ Государыни Императрицы пакетъ съ 5.000 рублями на монастырскія нужды. Мы, говорилъ о. Иеронъ, старались сдѣлать со своей стороны все, что только могли. Оказывали всякое вниманіе и членамъ Государевої свиты, прїѣзжавшимъ «на берегъ» въ обитель, посыпали подарки ни пароходъ Государынѣ Императрицѣ, «торжественно звонили» въ колокола, устроили иллюминацію..., награждали всѣхъ «иконочками и альбомами»... «Въ 11 часовъ вечера», однако, незабвенные Посѣтители наши покинули монастырскія воды и «скрылись отъ нашихъ взоровъ»... А въ сердцахъ обительскихъ насельниковъ они останутся, конечно, навсегда... Въ память столь радостнаго событія, каковымъ было посѣщеніе обители Государемъ Императоромъ (добавляется рукописная опять прибавка), была потомъ выстроена на пристани каменная часовня,—на томъ мѣстѣ, гдѣ о. Иеронъ и другіе иноки впервые представлялись Высокому Гостю... О радостномъ событіи

было донесено во всѣхъ подробностяхъ на Старый Аѳонъ, гдѣ по этому поводу также специально молились о Государѣ и о всемъ Его Домѣ... Но за то какъ же скорбѣли и на Новомъ Аѳонѣ, и на Старомъ, когда потомъ узнали о катастрофѣ въ Боркахъ, чутъ не повлекшой за собой непоправимыхъ печальныхъ послѣдствій! Однако, радость по случаю избавленія Государя и Его Августѣйшей Семьи отъ смертельной опасности была еще большею, неописуемою... ¹⁾)

По отбытии Государя, съемка земли съ участка, на которомъ предполагалось возведеніе «собора», продолжалась успѣшно..., — и, несмотря на то, что требовалось срѣзать огромное количество земли, пѣли достигли: трудъ и терпѣніе превозмогли все...

Подготовивъ все, приступили къ постройкѣ соборнаго храма. Бутъ и цоколь стали дѣлать изъ мѣстнаго камня на цементѣ...

Но въ то же время постепенно строили и монашескія помѣщенія. Послѣднія составляли собою обширный четыреугольникъ, въ срединѣ коего долженъ быть помѣщаться соборъ. На каждомъ изъ четырехъ угловъ, образуемыхъ монашескими помѣщеніями, предположено было выстроить по отдѣльной церкви: на юго-восточномъ — во имя св. Апостола Андрея Первозваннаго,—на юго-западномъ—въ честь преподобныхъ отцовъ Аѳонскихъ,—на сѣверо-западномъ—во имя св. мученика Иерона и на сѣверо-восточномъ—въ честь св. иконы Божіей Матери-Избавительницы. А по срединѣ южнаго корпуса надъ святыми воротами выстроена церковь въ честь Вознесенія Господня. Соборъ, воздвигнутый, какъ и сказано, среди обширнаго двора внутри четыреугольника, посвященъ св. Великомученику и Цѣлителю Пантелеймону, а его четыре придѣла: внизу—1-й Святителю и Чудотворцу Николаю, 2-й св. Благовѣрному Князю Александру Невскому и на хорахъ—одинъ—св. Маріи Магдалинѣ и другой—св. Великомученику Георгію Побѣдоносцу ²⁾).

1) Отсылая за подробностями къ брошюре, въ дальнѣйшемъ возвращающейся къ автобіографическимъ (рукописнымъ) сообщеніямъ о. Иерона.

2) Особенно трогательно въ данномъ случаѣ построеніе храмовъ: а) въ честь св. иконы Божіей Матери—Избавительницы. Икона эта, „по завѣщанію о. Макарія“ (архимандрита русскаго монастыря на Старомъ Аѳонѣ,—упоминавшагося уже выше), „была дарована Ново-Аѳонскому монастырю 20 июля 1889 г. Празднество въ честь ея установлено 17 ок-

Монастырскій «соборъ» освященъ въ 1900 г. 28-го сен-тября Преосвященнымъ Арсеніемъ, Епископомъ Сухумскимъ, при огромномъ стечепія богомольцевъ, которыхъ собралось въ обители къ этому торжественному дню до-двадцати тысячъ—не меньше. Монастырь отнесся къ богомольцамъ въ высшей степени радушно. Снабжалъ всѣхъ ихъ (а они жили здѣсь около семи дней) пищей: хлѣбомъ, чаемъ... Для помѣщенія такой массы стекшагося въ обитель люда были устроены временные бараки. Устроены были для богомольцевъ: временная большая столовая,—также—двѣ кухни, двѣ пекарни для изгото-вленія хлѣба. Приходилось печь хлѣбъ и варить пищу въ теченіе дня и почти непрерывно. Ипаче не удовлетворить-бы потребностей многотысячной массы... За то, благодаря оби-тельской энергіи, поддерживаемой о. Іерономъ, всѣ богомольцы получали все необходимое и не имѣли ни поводовъ, ни осно-ваній къ какимъ-либо жалобамъ или къ недовольству...

Кипарисовый крестъ, водруженный при закладкѣ «со-бора» Государемъ Императоромъ Александромъ Александро-вичемъ III-мъ¹), теперь—по окончаніи постройки «собора» и по освященіи его—былъ изящно обдѣланъ въ серебро. На немъ была сдѣлана подобающая существу дѣла надпись. Затѣмъ крестъ былъ поставленъ въ главномъ «соборномъ» алтарѣ св. Великомученика и Цѣлителя Пантелеймона за престоломъ, согласно желанію Самого Государя Императора²)...

тября въ воспоминаніе чудеснаго спасенія“ Государя Александра III и Его „Августѣйшаго Семейства“ (чит. обѣ этомъ и о самой иконѣ у С. Снесоревой: „Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание свя-тыхъ чудотворныхъ Ея иконъ“...; изд. 3-е; Спб. 1910 г., стр. 663, 662, 664, 665. См. еще у И. Н. стр. 227). б) Во имя св. мученика Іерона (см. о немъ у архіеп. Сергія: „Полный Мъспіцесловъ Востока“; т. II; изд. 2; Владиміръ, 1901 г., стр. 346—347, стр. 457). Этотъ храмъ въ честь свя-того, имя коего носиль о. архим. Іеронъ, всю жизнь свою положившій за Ново-Аеонскую обитель, всегда будетъ сохранять память обѣ ея первомъ архимандритѣ и побуждать всѣхъ о немъ молиться Господу. в) Храмы во имя св. Пантелеймона, преподобныхъ Аеонскихъ отцовъ... указываютъ на связь новой обители со Старымъ Аеономъ. г) Храмъ во имя св. Андрея Первозванного всегда будетъ напоминать о проповѣдіи этого св. Апостола въ Абхазіи и т. д. и т. д.

1) См. стр. 7 цитов. брошюры: „Посвященіе Ихъ Императорскими Величествами“...

2) Здѣсь оканчиваются автобіографическія сообщенія о. Іерона, и дальше рѣчь идетъ на основаніи цитованного къ ней рукописнаго до-бавленія учениковъ старца и пр.: „Къ рукописи о. Іерона“...

Въ периодъ времени съ 1894 г. по 1911 г. освящены въ нагорномъ монастырѣ соборъ съ пятью его престолами и пять храмовъ (параклисовъ) при братскихъ зданіяхъ, расположенныхъ вокругъ «собора». Объ этихъ храмахъ уже упоминалось выше.

8 іюня 1905 года освященъ каменный храмъ, устроенный для иночествующей братіи, проживающей въ уроціщѣ Кумбаси, Бакинской губ., Ленкоранского уѣзда (чит. въ началѣ нашей статьи), при находящемся въ долгосрочной арендѣ Ново-Аѳонскаго монастыря казенномъ рыбномъ промыслѣ.

22 октября 1908 года освященъ храмъ при новомъ каменномъ братскомъ корпусѣ на монастырскомъ хуторѣ верстахъ въ семи отъ Нового Аѳона.

Три раза (въ 1900 и 1909 гг. въ верхнемъ монастырѣ и въ 1911 г. въ нижнемъ) большиe пожары угрожали всему монастырю полнымъ опустошеніемъ. Но—благодареніе Богу—каждый разъ дѣло въ концѣ концовъ ограничивалось уничтоженіемъ или поврежденіемъ такихъ зданій или мелкихъ построекъ, кои или были возведены лишь на время, или по своей ветхости и несоответствію общему плану обительскому должны были подлежать капитальному ремонту и перестройкѣ. И на новомъ монастырскомъ хуторѣ вышеупомянутый каменный съ храмомъ корпусъ построенъ на мѣстѣ сгорѣвшихъ въ 1903 году братскихъ помѣщеній, совсѣмъ уже обветшавшихъ и ставшихъ негодными для жилья.

Съ 1 іюля 1904 г. весь монастырь (кромъ храмовъ) освѣщается электричествомъ.

Достославный о. Іеронъ, устраивавшій все отмѣченное выше и многое другое подобное, изобрѣтательный, казалось, до безкопечности, обладавшій неистощимою энергию, во все вникавшій, все предусматривавшій...—постепенно все болѣе и болѣе благоустраивалъ свое дѣтище—Ново-Аѳонскую обитель..., заботился о ней до послѣдняго своего вздоха... И если она теперь сіяеть своею удивительною и всѣхъ восхищающею красотою, — если теперь она является своего рода чудомъ, возникшимъ на пустынномъ кавказскомъ побережье,—то—благодаря именно этому великому дѣятелю, не знавшему своихъ личныхъ интересовъ и жившему только интересами обительскими...

Неудивительно посему, что, несмотря на свое всѣмъ извѣстное рѣдкостное смиреніе, о. Іеронъ вынужденъ быть при-

нимать различного рода награды и поощрения за свою исключительно-выдающуюся дѣятельность: напр., въ 1896 г.—орденъ св. Анны 3-й степени, въ 1900 г.—2-й степени, въ 1903 г.—св. Владимира 4-й степени, въ 1905 г.—3-й степени, въ 1908 г.—св. Анны 1-й степени. Въ 1903 году Его Высочествомъ, Приицемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, посѣтившимъ обитель вмѣстѣ со своею супругою Евгениею Максимилиановною, былъ пожалованъ о. Іерону золотой наперсный крестъ съ драгоценными украшениями. И вообще высокопоставленныя лица, входившія въ такое или иное со-прикосновеніе съ о. Іерономъ, относились къ нему, по отзыву его учениковъ и всей монастырской братіи, съ высокимъ вниманіемъ, любовью, съ уваженіемъ...,—почитали его глубоко и искренне *).

Професоръ А. Бронзовъ.

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.А. Бронзов

**Архимандрит Иерон,
настоятель Ново-Афонского
Симоно-Кананитского монастыря
(+14 августа 1912 г.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 6. С. 747-768.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](http://creativecommons.org/licenses/by-nd/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Архимандритъ Іеронъ, Наставтель Ново-Афонского Симоно-Кананитскаго монастыря

(† 14 августа 1912 г.) *).

ОЧЕНЬ трогательно рисуютъ внутренній образъ и вообще личность о. Іерона тѣ, кто зналъ его близко и долго, — его ученики, почитатели...

Самъ батюшка,—пишутъ они объ о. Іеронѣ,—всегда и всѣмъ воздавалъ должное. Лицепріятіе ему было неизакомо. И бѣдныхъ, и богатыхъ, и простолюдиновъ, и именинныхъ—всѣхъ онъ встрѣчалъ и принималъ всегда привѣтливо, съ искреннею любовію о Господѣ, съ участіемъ, радушіемъ, предупредительностью...

Всѣ находили въ о. Іеронѣ доброго собесѣдника и благожелательного наставника, руководителя и уходили отъ него обновленными, утѣшеными, обласкаными. съ миромъ въ душѣ, съ духовною радостью въ сердцѣ..., хотя онъ и не думалъ дѣлать какихъ-либо уступокъ, поблажекъ грѣхамъ и слабостямъ приходившихъ къ нему лицъ.

Бѣдные и нуждающіеся всегда находили въ о. Іеронѣ чловѣка, готоваго прийти къ нимъ на помощь. Чѣмъ только могъ, онъ всегда поддерживалъ такихъ лицъ. Тѣмъ болѣе онъ шелъ навстрѣчу искашившимъ у него не материальной помощи, а духовной: утѣшенія, совѣта, наставленія. Этихъ людей онъ принималъ съ еще большею, конечно, готовностью и охотою, поскольку и спасеніе душевное выше благополучія материальнаго... Про отношенія же о. Іерона къ братіи его обители, конечно, излишне уже и говорить,—равно какъ и про отношенія братіи къ нему. Вся она неподдѣльно любила своего

*.) Окончаніе. См. май.

«главу» не только какъ настоятеля, но и какъ своего духовника и «старца» опытнаго, у котораго всегда и для всякаго находилось слово правды, совѣта, утѣшеннія—живое, сердечное¹⁾ и отвѣчавшее духовнымъ и вообще иноческимъ нуждамъ вопрошавшаго. Самъ искущенный въ строгихъ полуви-ковыхъ иноческихъ подвигахъ, онъ и для другихъ естественно являлся опытнымъ, умудреннымъ, заслуживавшимъ въ данномъ случаѣ всякаго удивленія, старцемъ. Рѣчь его, безъ малѣшаго потворства грѣху, одинаковая по тону— безотносительно къ положенію собесѣдниковъ, были-ль то новоначальные послушники, или лица изъ старшѣй братіи, всегда дышала отеческою любовію, снисхожденіемъ, искреннимъ благожелательствомъ. Цѣль ея всегда была только одна: польза душевная приходившихъ къ о. Іерону лицъ, ихъ спасеніе о Господѣ...

Удивительный старецъ, очевидно, обладалъ и даромъ прозрѣнія въ будущее. Такъ, нерѣдко и при одинаковыхъ, повидимому, нуждахъ, по поводу коихъ къ нему обращались иночки, и на тождественные ихъ вопросы онъ высказывался различно: одному давалъ одинъ совѣтъ, другому—иной, одному отвѣчалъ такъ, другому иначе... И,—что было въ этомъ случаѣ особенно замѣчательно,—послѣдствія его совѣтовъ, отвѣтовъ... всегда ихъ оправдывали. Ясно было, что онъ зналъ внутреннее настроеніе вопрошавшихъ,—зналъ и то, что ожидало ихъ впереди... и, соответственно всему этому, старался прийти къ нимъ на помощь. Случалось и такъ, напримѣръ... Иной приходилъ къ о. Іерону совсѣмъ удрученный, съ разбитой душой, истерзанный сомнѣніями, съ безнадѣнно гнетущимъ уныніемъ въ сердцѣ, съ гложущей его тоской... Приходившій былъ не въ силахъ сколько-нибудь разобраться въ своемъ положеніи... Онъ даже не зналъ, какъ и высказаться обѣ этомъ предъ другими... И въ «исповѣdalной» комнатѣ—предъ батюшкой онъ находилъ въ себѣ силу сказать лишь кое-что, да и то

1) По словамъ его учениковъ, о. Іеронъ готовъ былъ пробыть цѣлый день со скорбящимъ братомъ, лишь бы утѣшить его, привести его въ мирное настроеніе... Какъ это трогательно! И вся вообще его необычайная, исключительная любовь къ „братіи“ дѣлала этого о. игумена какимъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ начальникомъ и руководителемъ духовнымъ... Многимъ бы можно и должно бы у него поучиться. О. Іеронъ, о. Иларіонъ—нынѣшній ново-афонскій игуменъ, о. Маврикій—валаамскій игуменъ... Эти старцы стоятъ цѣлой когорты руководителей, наставни-

объ обыденныхъ своихъ грѣхахъ... Но о. Иеронъ какъ-то умѣль понимать и различать подобныхъ людей. И вмѣсто того, чтобы быстро отпускать ихъ, какъ ничего особаго ему не говорившихъ и ни на что особое не жаловавшихся, онъ, бывало, задерживалъ этихъ лицъ на полчаса и больше. Самъ приходилъ къ нимъ на помощь своими разспросами, понемногу разузнавалъ ихъ внутренній міръ, давать наставленія, совѣты..., наиболѣе пригодные для практической жизни, утѣшалъ... Для обоснованія своихъ совѣтовъ нерѣдко приводилъ примѣры изъ житій святыхъ, изъ святоотеческихъ твореній, какъ нельзя болѣе подходившіе къ тому или иному случаю, напоминалъ о чемъ-нибудь заповѣданіомъ въ словѣ Божіемъ,—рассказывалъ о разныхъ назидательныхъ случаяхъ изъ иноческой жизни на Старомъ Аeonѣ,—припоминалъ что-нибудь изъ совѣтовъ великихъ Аeonскихъ старцевъ и пр. И упавшій духомъ его собесѣдникъ уходилъ совсѣмъ инымъ, переродившися, обновленнымъ,—забывалъ тревоги, успокаивался; на душѣ у него становилось свѣтло, какъ въ ясный Божій день,—исчезала изъ его сердца, изъ его ума даже и послѣдняя тѣнь мучившихъ его дотолѣ сомнѣній...

Былъ такой, напр., случай. У одного послушника появилась непонятная тоска, съ которой онъ былъ безсиленъ бороться. Уныніе давило его, какъ тяжелый камень. Душили слезы. Въ теченіе трехъ дней, лишь только, бывало, придетъ въ свою келью, не могъ удержаться отъ слезъ и плакалъ на-взды... Въ столь невыносимо тяжеломъ положеніи пошелъ послушникъ къ о. Иерону, рассказалъ о случившемся съ нимъ и просилъ его молитвъ. Батюшка, повидимому, уже прозрѣлъ своими духовными очами то, что несчастный послушникъ испытывалъ въ душѣ своей..., и, выслушавъ послѣдняго, спокойно сказалъ ему въ утѣшеніе иѣсколько участливыхъ словъ, коихъ, однако, оказалось вполнѣ достаточно для дѣла... Успокойся,—сказалъ о. Иеронъ,—не бойся, иди въ свою келью,—я помолюсь за тебя... И только... Послушникъ пришелъ въ свою келью и не узналъ себя: отъ казавшейся безысходною тоски у него осталось лишь одно воспоминаніе; слезы унынія исчезли... И почувствовавшій себя счастливымъ человѣкъ этотъ безмятежно взялся за свое обычное послушаніе. Очевидно, сила молитвы о. Иерона была во-истину необычайна. какъ необычайна была и его прозорливость..., выдигавшія его далеко—далеко изъ ряда прочихъ, окружавшихъ его, людей...

Часто о. Иеронъ говоривалъ, что въ печали, скорби, въ горѣ не слѣдуетъ предаваться унынію, малодушествовать, терять надежды на Божію милость .,—но что и въ радости, съ другой стороны, нельзя обнадеживать себя прочностью своего положенія... Нельзя здѣсь—на землѣ разсчитывать на неизмѣнное счастье, на прочное какое-то блаженство. На землѣ вѣдь все преходяще... И въ духовной жизни радость и печаль чередуются одна съ другою .. Всюду такъ... Въ скорби жди радости,—въ радости не поддавайся беспечности,—всюду остерегайся печали... Хотя и всѣ,—напоминаль объ этомъ часто о. Иеронъ,—спасаются о Господѣ подъ покровомъ Божіей благодати, а особенно явно можно бываетъ видѣть это по отношенію къ «новоначальнымъ»,—но не слѣдуетъ забывать, что благодатная помощь и всякаго человѣка иногда какъ будто бы покидаетъ, оставляетъ..., заставляя его чрезъ то самое ощутительно познать свою немощь... Вотъ тогда-то и нужно приложить всѣ свои старанія, чтобы не поддаться малодушію, столь пагубному и зловредному...,—чтобъ принудить себя къ подвигамъ духовнымъ...

Главнымъ образомъ и чаще всего о. Иеронъ обращалъ вниманіе всѣхъ насельниковъ обители на воспитаніе въ себѣ смиренія, послушанія, страха Божія, взаимной любви другъ ко другу,—а также и на то, что въ монастырскомъ общежитіи ничто не должно дѣлаться безъ разрѣшенія и благословенія старшихъ, по собственному лишь произволенію каждого. Всѣмъ онъ—опытный старецъ и испытанный подвижникъ—ставилъ на видъ, что въ иноческой жизни все, даже и доброе повидимому, теряетъ свою хорошую цѣну, если бываетъ плодомъ только личнаго произвола того или другого или тѣхъ или иныхъ лицъ. Правда,—говаривалъ онъ,—трудно бываетъ подвижнику дѣлать все лишь по благословенію другихъ: «врагъ» препятствуетъ всѣми силами, какъ только можетъ..., разставляя всюду сѣти и ловушки,—а когда кто-либо захочетъ проявить свое слово, тутъ-то онъ и является первымъ и обязательнымъ помощникомъ подобнаго иноха. И сколько бываетъ случаевъ, когда «врагъ» этимъ путемъ легко улавливаетъ въ «прелестъ» неопытныхъ, но самонадѣянныхъ, «самочинно» ревнующихъ и о добродѣтели, лицъ,—безвременно сводить ихъ въ могилу, а то такъ доводить даже до умопомраченія!! Однако, и въ тѣхъ случаяхъ, когда инохъ проявляетъ святое послушаніе и труждатся много и съ большимъ успѣхомъ,—онъ долженъ помнить

совѣтъ—спасительный для него и полезный: не искать похвалы себѣ или одобренія,—не трубить предъ собою, не рассказывать о своемъ нравственномъ преуспѣяніи. Вообще о. Іеронъ считалъ всѣ отличія и похвалы вредными для духовнаго «устроенія» и нока и питающими только духъ любочестія, въ явный ущербъ смиренію. Самое лучшее,—говаривалъ о. Іеронъ,—дѣлать инооку все «просто за послушаніе» только и какъ бы «предъ Самимъ Богомъ»... «Работай всякъ по силамъ»,—имѣй въ себѣ страхъ Божій,—по возможности ищи безмолвія,—молись... Вотъ чому поучалъ старецъ—аскетъ, молитвенникъ... Намъ—монахамъ,—поучалъ онъ,—непремѣнно вездѣ и всегда нужно творить молитву «Іисусову». И даже въ храмѣ во время Богослуженія, если почему-либо не слышать хорошо того, что поютъ и читаютъ, тверди: «Господи—Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго». Прибавляй и «Богородичную»... А когда монахъ пребываетъ въ кельѣ, то онъ,—по требованію о. Іерона,—непремѣнно долженъ прежде всего ежедневно исполнять установленное для всѣхъ «келейное правило» (канонъ)¹⁾. Исполнивши правило и желая еще помолиться, иноокъ пусть «возьметъ другой канонъ». Если ему «мало двухъ», пусть «берется за третій». Лучше нашего канона (въ коемъ 750 краткихъ молитвъ съ поклонами),—говаривалъ о. Іеронъ,—нельзя ничего болѣе придумать. Такой канонъ,—напоминаль старецъ,—въками «творили» всѣ святые отцы па Св. Горѣ Аѳонской... Если съ кѣмъ-либо изъ инооковъ приключится болѣзнь, изъ-за которой

¹⁾ Въ моемъ распоряженіи имѣется оно въ изданіи 1912 г. (Одесса), за подпись вынѣшняго настоятеля монастыря—о. архимандрита *Иллариона* (стр. 3—8). Это „келейное правило“ предназначено для „всѣхъ инооковъ“, „начиная съ іеромонаховъ и кончая послушниками“ (для „схи-монаховъ назначается особое правило“). „Звонъ на канонъ“ бываетъ „въ часъ по полуночи“. Каждый у себя въ кельѣ тогда и читаетъ „келейное правило“. Между прочимъ, „молитва Іисусова“ читается при этомъ „300 разъ съ поясными поклонами“,—„200“ разъ молитва: „Пресвятая Богородице, спаси мя грѣшнаго“ тоже „съ поясными поклонами“ (Богородичная)... Молятся обо всѣхъ живыхъ, объ умершихъ... „Правило“ издано специальнно „для ново-аѳонскихъ инооковъ“. Ежедневно молясь (при „исполненіи правила“), напр., объ усопшихъ старо-аѳонскихъ инонахъ—о. архимандритѣ Макарії, іеросхимонахѣ Іеронимѣ..., ново-аѳонскіе насельники чрезъ то самое поддерживаютъ наиболѣе внутреннюю духовную связь со своею „метрополіей“, отпрыскомъ коей Новый Аѳонъ былъ и остается навсегда. Все это трогательно въ высшей степени...

по необходимости опускается келейный канонъ, то и въ этомъ случаѣ надо сказать духовнику о невольномъ несоблюденіи столь важнаго монастырскаго установлениія...

О воздержаніи о. Иеронѣ говорилъ, какъ о такого рода добродѣтели, .которая нужна пепремѣнно для всѣхъ. Если же кто пожелалъ бы упражняться въ немъ свыше требуемой отъ «средняго» инока мѣры, тотъ, разумѣется, имѣть полное право дѣлать это, но долженъ пріучать себя постепенно, медленно, сообразуясь со своими силами и здоровьемъ..., благодаря Господа.

Лучшимъ чтеніемъ въ обители для всѣхъ безъ исключенія о. Иеронѣ считалъ: Новый Завѣтъ, Псалтирь, творенія препод. Феодора Студита, преп. Аввы Дороѳея и т. под. Но нѣкоторымъ,—въ виду ихъ особаго душевнаго настроенія и склада, ихъ особой индивидуальности,—совѣтовалъ читать и всѣ вообщѣ святоотеческія творенія. Самъ о. архимандритъ былъ широко и глубоко въ нихъ освѣдомленъ, проявляя свою особливую начитанность въ святоотеческихъ писаніяхъ на каждомъ шагу. Можно было предполагать, что онъ читалъ и творенія приснопамятнаго епископа Феофана—Затворника, такъ какъ иногда въ рѣчи о. Иерона слышались буквальныя изреченія этого святителя (въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, слuchаяхъ тотъ и другой могли позаимствовать извѣстныя выраженія... изъ третьаго источника, именно изъ древнихъ святоотеческихъ твореній). Газетъ—же Ѵ вообще свѣтскихъ періодическихъ изданій,—говорилъ онъ,—я и самъ не читаю, да и другимъ не даю совѣта читать...

Бывали случаи, когда обычное равновѣсіе о. Иерона въ его отношеніяхъ къ другимъ нарушалось,—когда, напр., его ласковость и списходительность, всегда его отличавшія, уступали мѣсто проявленіямъ совсѣмъ иного рода. Это неизмѣнно замѣчалось тогда, когда происходили болѣе или менѣе серьезныя упущенія, какія-либо нестроенія и пр. Но отношенію къ виновникамъ этихъ нестроеній, упущеній... старѣй былъ иногда суровъ... и даже очень... Извѣстно много примѣровъ, подтверждающихъ это.

Такъ, въ одинъ ясный и знойный лѣтній день одному уже почтенному иноку понадобилось куда-то неотложно сѣѣгать. Побѣжалъ онъ изъ обители, можно сказать, въ чёмъ былъ: въ одномъ подряснике, даже неопоясанный ремнемъ. А въ воротахъ монастырскихъ какъ разъ на-встрѣчу ему идетъ ба-

тюшкаго—о. Иеронъ... Ипокъ (такъ принято въ обители) падаетъ ему въ ноги и просить: благословите, батюшка! Богъ благословить,—слышится тихо въ отвѣтъ. Затѣмъ цѣлуетъ инокъ десную руку батюшки... Словомъ, все шло по заведенному порядку и гладко... А чѣмъ же ты безъ пояса,—вдругъ неожиданно и быстро спросилъ инока о. Иеронъ... И сейчасъ—же, но уже въ значительно приподнятомъ тонѣ, бросилъ ему рѣзкія слова: а...,—да ты въ одномъ только подряснике?.. Бросилъ... эти слова, да и давай своею игуменскою палкою бить оплошавшаго..., да такъ усердно, что послѣднему пришлось обратиться въ послѣшное бѣгство и въ постыдное предъ столь осознательными и слишкомъ убѣдительными доводами къ его вразумленію... Но гнѣвъ о. Иерона всегда,—какъ и въ настоящемъ случаѣ,—былъ справедливъ, и потому трудно было кому-либо обидѣться на батюшку..., и не обижались, конечно. И только-что упомянутый инокъ, послѣ полученного имъ «документальнаго» вразумленія, ни мало не разсердился на вразумившаго, но самъ—же съ улыбкой разсказывалъ другимъ о случившемся... и—мало того—какъ будто бы даже остался доволенъ тѣмъ, что удостоился отъ батюшки особаго предъ другими вниманія.. Да, дѣйствительно, особаго... и подѣламъ!

Столь требовательный къ другимъ, когда дѣло касалось дисциплины, монашескаго долга..., о. Иеронъ прежде всего былъ требователенъ къ самому себѣ. Зная, что значить примѣръ и какъ всѣ иноки естественно ищутъ указаний и руководства для себя въ жизни своего игумена, о. Иеронъ вель очень «многотрудную» подвижническую жизнь, образцовую во-истину... Не мудрено, поэтому, что экклесіархъ, приходившій къ нему обычно за четверть часа до звона къ утрени за церковными ключами и за благословеніемъ, всегда заставалъ его уже одѣтымъ. А нужно замѣтить, что звонъ къ утрени въ монастырѣ бываетъ: въ воскресные дни—въ половинѣ второго часа по полуночи, а въ прочіе дни—въ два часа ночи. Въ храмъ приходитъ о. Иеронъ всегда до начала полунощницы. По возгласѣ молитву: «Царю Небесныи»... въ ново-аѳонской обители читаетъ самъ о. игуменъ, что о. Иеронъ постоянно и исполнялъ. Раннюю литургію въ «будніе» дни онъ во всю свою жизнь ежедневно служилъ самъ (какъ и дорогой Кроп-штадтскій батюшка—о. Иоаннъ), а когда бывалъ боленъ, то слушалъ ее въ кельѣ чрѣзъ слуховое окно, продѣланное въ

Вознесенскую церковь. Въ воскресные и праздничные дни позднюю литургию служилъ всегда самъ о. Іеронъ. Обычно приходилъ въ храмъ къ вечернѣ и повечерію (съ акаѳистами)¹⁾... Вечеромъ запиралъ свою келью около 9 часовъ. Обѣдалъ всегда въ трапезѣ вмѣстѣ съ братію. Въ послѣдніе годы совсѣмъ не употреблялъ вина, а пилъ только лишь чай... Воздержаніе его вообще было столь строгое, что, напримѣръ, въ великомъ посту его (с совсѣмъ сухія) руки,—приходилось замѣтать,—обычно были холодны, какъ ледъ,—до такой степени оскудѣвала въ нихъ кровь!.. Днемъ между церковными службами у о. Іерона не было свободныхъ минутъ: его постоянно куда-либо отвлекали,—и, посему, онъ имѣлъ возможность пользоваться лишь самымъ краткимъ только отдыхомъ... Въ самомъ дѣлѣ, не успѣть старецъ придти домой, какъ къ нему уже является «братія» съ различными своими нуждами, приходить посторонніе посѣтители, богомольцы... А кромѣ того, ему необходимо было читать дѣловыя письма, просматривать разныя бумаги, разбираться въ «строительныхъ» проектахъ, въ сложномъ монастырскомъ хозяйствѣ... На все это требовалось время... Иноческие исполняютъ въ обители разныя «послушанія». Кому же было скорѣе всего руководить ими въ данномъ случаѣ, какъ не ему—о. игумену? И онъ руководилъ, слѣдя за иноческою жизнью. А сколько непрерывныхъ построекъ происходило при его жизни то тамъ, то здѣсь? И за всѣми ими нужно было слѣдить... Какъ опытный и рачительный хозяинъ, онъ и слѣдилъ,—всюду ежедневно ходилъ самъ въ будніе дни, наблюдалъ,—указывалъ... Развѣ можно было при такихъ условіяхъ думать о какомъ-либо отдыхѣ, хотя послѣдній былъ, разумѣется, и необходимъ о. игумену? И ночью приходилось о. Іерону спать немного..., немного тѣмъ болѣе, что онъ, какъ схимникъ, долженъ былъ, по сравненію съ прочими ипоками не-схемиками, «держать двойной келейный канонъ», а кромѣ того, ему необходимо было, когда онъ служилъ литургию (а какъ часто служилъ,

¹⁾ Своими подвижническими трудами о. Іеронъ, по свидѣтельству его учениковъ, „стяжалъ себѣ потребность непрестанной молитвы“. Его „пламенная любовь къ Господу“ была столь сильна, что онъ ни о чёмъ другомъ готовъ былъ бы не думать, какъ только и только о своемъ Создателѣ. Все это,—говорятъ ученики старца,—бросалось въ глаза всѣхъ...

объ этомъ уже было говорено), готовиться ко святому причащенню...

О, какъ долго и много могли бы говорить о приснопамятномъ старцѣ (если-бъ захотѣли) сотни его учениковъ—илюковъ, многочисленныя лица—«міряне», пользовавшіеся въ теченіе долголѣтней его жизни его мудрыми совѣтами и драгоцѣнѣйшими указаніями!.. ¹⁾ Но, сколько бы Вы о нихъ ни говорили, никогда не удалось бы исчерпать всей глубины этихъ великихъ, рѣдко посылаемыхъ на землю, замѣчательныхъ душъ... ²⁾

Много, долго, плодотворно на рѣдкость потрудился о. Іеронъ... Онъ достигъ уже преклонныхъ лѣтъ. Физическія силы естественно должны были ослабѣть. Результаты подвиговъ и трудовъ должны были сказаться... Поумѣрить бы себя о. Іерону въ тѣхъ и другихъ—въ непрерывныхъ подвигахъ и трудахъ... Но умѣренность, холодный расчетъ въ такого рода «вещахъ» ему были совершенно непонятны... И пришлось расплачиваться съ холодной, ничего не прощающей, за все требующей съ процентами расплаты, природой...

О. Іеронъ заболѣлъ... при исполненіи своихъ отъственныхъ и многочисленныхъ обязанностей. По словамъ «Аѳонской лѣтописи» ³⁾, о. игуменъ «въ началѣ апрѣля» истекшаго 1912 года «началъ возводить постройку храма въ честь Божіей Матери на Иверской горѣ» («вблизи обители»). «Въ холодную, сырью погоду ему пришлось прожить здѣсь болѣе сутокъ почти подъ открытымъ небомъ, и онъ сильно простудился»... Болѣзнь его, по сообщенію журнала «Русскій Инонъ» ⁴⁾, на-

¹⁾ Чит. въ данномъ случаѣ его характеристику, напр., въ цитов. „12-мъ выпускѣ“ „Душеполезнаго Собесѣдника“ за 1912 г. (декабрь), стр. 398—401... Особенno поучительны его бесѣды о перенесеніи обидъ, о грѣхѣ осужденія (интересенъ приводимый примѣръ изъ жизни одного чиновника на родинѣ о. Іерона), о трудѣ,—объ иноческомъ послушаніи и его значеніи и др. Ср. отчасти по мѣстамъ: у И. Н., у проф. А. А. Дмитревскаго; въ цитов. „10-мъ выпускѣ“ „Душеп. Собес.“ за 1912 г. (октябрь): „Аѳонская лѣтопись“... Ср. отчасти и въ „Православной Богословской Энциклопедіи“; т. VI, СПБ. 1905 г., col. 357—359...

²⁾ Здѣсь оканчиваются данныя рукописныхъ сообщеній объ о. Іеронѣ его учениковъ и пр. (заключенные въ тетради: „Кѣ рукописи“...).

³⁾ См. цитов. 10-й вып. „Душепол. Собесѣдн.“ за 1912 г. (окт.), стр. 305.

⁴⁾ См. № 11 за 1912 г. (вамъ доставлена выписка изъ номера).

чалась «съ 13-го апрѣля». Появились «сердечные припадки», при «сильномъ» (съ «кашлемъ») «колоть въ боку и одышкѣ». Положеніе было настолько серьезно, что всѣмъ уже представлялся въ ближайшемъ, можетъ быть, будущемъ печальный конецъ—какъ нѣчто неизбѣжное. Медицина, насколько она могла заявить себя тамъ—на Новомъ Аѳонѣ, оказалась безсильной и произнесла роковой приговоръ¹⁾). Вся обитель была въ уныніи.

«18-го Апрѣля» были посланы двѣ телеграммы: одна «на Старый Аѳонъ», другая—въ Сухумъ къ епископу Андрею. «Простили помолиться» за тяжко больного. Въ отвѣтъ на телеграмму преосвященный Андрей «въ тотъ же день телеграммой» же спросилъ «подробностей» о положеніи о. Іерона и «изъявлялъ желаніе» лично явиться въ обитель къ больному, если только послѣдній «благословитъ»... Сейчасъ-же послѣ этого, разумѣется, были отправлены «въ Сухумъ» монастырскія лошади, на которыхъ «Владыка и прибылъ» въ обитель «19 апрѣля» въ половинѣ третьаго часа дня. Прибытие архипастыря «было большимъ утѣшениемъ» для «старца», который глубоко обрадовался этому, «благодарилъ Владыку» за столь исключительное его вниманіе и «со слезами просилъ его святыхъ молитвъ». Преосвященный «утѣшилъ больного и остался въ монастырѣ ночевать, чтобы» вмѣстѣ «съ братію помолиться за подвижника», столько сдѣлавшаго для обители. «Во время утрени 20 апрѣля» о. Іеронъ «изъявилъ желаніе пособороваться». Когда обѣ этомъ узналъ еп. Андрей, то «очень обрадовался и сказалъ: вотъ и хорошо; я самъ пособорую». Сейчасъ же было назначено и «время для елеосвященія»: непосредственно послѣ ранией литургіи». Извѣщенія были, разумѣется, «и братія». И вотъ «къ шести часамъ собрались въ покояхъ болящаго старца всѣ, кому» только «было возможно. Предъ елеосвященіемъ» Владыка «выслушалъ исповѣдь» о. Іерона, послѣ чего и «началось соборованіе» (участвовали—самъ «Владыка, 6 іеромонаховъ и 3 іеродіакона»). «Капонъ читалъ» еп. Андрей глубоко-прочувствованно, при чемъ и самъ проливалъ невольные слезы, и слезы же вызывалъ и у присутствовавшихъ: и рѣдкостное чтеніе, и содержаніе канона—все благопріятствовало тому... «Особенно» усилился плачъ присутствовавшихъ «послѣ прочтенія Владыкою конечной молитвы съ раскрытымъ

¹⁾ Ibidem.

Евангеліемъ надъ головой болящаго, поддерживаемаго священнослужащими». Самъ о. Йеронъ «весь въ слезахъ, поддерживаемый фельдшеромъ и однимъ изъ іеромонаховъ,—не смотря на свою слабость,—быстро сдѣлалъ три поклона, положенныхыхъ въ заключеніе чина соборованія», и «трижды же смиленно и съ сокрушеннымъ» сердцемъ сказалъ: «святитель Христовъ! Отцы и братія! Благословите и простите меня грѣшнаго!.. ¹⁾

Глубоко почитавшій большого «преосвященный вслѣдъ за этимъ обратился къ» нему съ «слезной» просьбой: «дорогой нашъ батюшка, скажите что-нибудь намъ на спасеніе души». «Старецъ, не переставая плакать, дрожащимъ голосомъ сначала тихо, а потомъ» громче и громче, «очень ясно началъ говорить: Владыка святый, прошу Васъ: будьте отцомъ обители!.. А «васъ, братія, прошу: прежде всего имѣйте любовь и страхъ Божій; не ищите незаконно, подпольными происками чести, старшинства, власти; подчиняйтесь властямъ, Богомъ поставленнымъ, и чтите старцевъ... Подпольные домогательства не поведутъ» къ добру. «Идите праведнымъ путемъ, чтобы совѣсть ваша всегда была чиста и ни въ чемъ васъ не укоряла. Только тогда у васъ будетъ легко на душѣ. Вотъ и я—грѣшный, что я—такое..., кто я—такой? А Господь меня благословилъ»: помогъ на-виду предъ всѣми вами «благоустроить» обитель. «И за что? По «молитвамъ святыхъ отцовъ», по «молитвамъ моего старца—батюшки о. Йеронима». Послѣдній «всегда говорилъ: если въ обители хранятся братская любовь и страхъ Божій», она—«обитель» наслаждается «миромъ и преисполняется всѣхъ благъ. А какъ только начинаются» среди «братіи самоволіе, непокорность..., Богъ отнимаетъ» отъ нея «Свое благословеніе. И знайте, что обитель наша строилась и строится особеннымъ провидѣніемъ Божіимъ и на ней почиваетъ благодать Божія. Видите» сами, «что» возникло «за короткое время! Помню: «старецъ о. Йеронимъ говорилъ мнѣ: тебѣ, о. Йеронъ, Господь Богъ и Царица Небесная судили строить обитель, а жить въ ней послѣ тебя будуть. И скорбей тебѣ будетъ много, но не ослабѣвай въ терпѣніи, а трудись неослабно до конца» ²⁾... Батюшку всѣ слушали съ напряженіемъ, не проронили ни одного его слова...

«Указывая на намѣстника обители—о. Иларіона», о. Йеронъ «сказалъ: а этого великаго труженика оставляю» своимъ «за-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

мъстителемъ; почитайте и уважайте его: онъ трудится больше меня»... «Я»,—продолжалъ старецъ,—«вспыльчивъ и иногда» не могу «сдержать» себя: «накричу на иного, укорю его, если знаю» какую-либо «его вину»... «За это прошу простить меня, грѣшнаго... Знайте, что «я не имѣлъ зла ни на кого. Я всегда былъ радъ вашему исправленію, вашей доброй жизни. Не поблажалъ я вашимъ» слабостямъ, «но», тѣмъ не менѣе, «любилъ васъ. Кого я наказывалъ, всегда болѣлъ о немъ душою и прощалъ... чистосердечно. Простите..., если я что-либо дѣлалъ и говорилъ съ раздраженіемъ». Вѣдь я имѣлъ въ виду въ такихъ случаяхъ «не мстить» тому или иному, «но исправить» его «духовную жизнь... А вотъ онъ—о. Иларіонъ—при своемъ великодушіи и терпѣніи—все дѣлалъ спокойно и могъ успокоить всякаго... Васъ, Владыка, прошу назначить на мое мѣсто «этого труженика», который и «много потрудился», и «обо всемъ умѣлъ подумать, и сдѣлать все, что» требовалось «для обители. Спаси его, Господи, за послушаніе... Онъ все переносилъ съ терпѣніемъ, безропотно и никогда не» проявляя «предо мною» даже и чего-либо, похожаго на «гнѣвъ или неудовольствіе»... Еще разъ «прошу: простите меня—грѣшнаго—за все и помолитесь!» При этихъ словахъ батюшка «сдѣлалъ поясной поклонъ». Послѣ того думали «унести его въ креслѣ въ спальню», но было трудно сдѣлать это: «расторгнанная словами батюшки братія», опечаленная сознаніемъ, «что слышитъ» уже «его послѣднее *прости*», еще «долго тѣснилась около него»..., всѣ «другъ за другомъ со слезами падали передъ нимъ ницъ» и «просили его прощенія и молитвъ. А батюшка съ любовію благословляя всѣхъ», при чёмъ «особое вниманіе» свое «обращалъ на тѣхъ», кто когда-либо за что-нибудь получилъ его «замѣчаніе»... Въ такихъ случаяхъ о. Иеронѣмъ «первый говорилъ: прости меня, отецъ»... «Простите, - слышалось» обычно въ отвѣтъ «отъ цѣловавшихъ—съ рыданіемъ благославлявшую десницу старца»... Но вотъ больного «положили на кровать»... Лежа на ней, «онъ почти немолчно повторялъ» «со слезами» «въ умиленно-радостномъ» состояніи: «слава Тебѣ, Господи!.. Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Царица Небесная!.. «Долго»—долго «и послѣ повторялъ онъ эти слова»... Радовался, благодаря Бога за все... Когда «послѣ соборованія» фельдшеръ спросилъ батюшку: «какъ онъ себя чувствуетъ», — послѣдній отвѣтилъ:... «стало лучше... Господь посыпалъ Свою великою благодатию меня грѣшнаго... Хорошо стало. Слава

Тебѣ, Господи! Господь исцѣлилъ»... И это были не одни только слова больного: онъ и въ самомъ дѣлѣ сталъ на видъ «бодрѣ», — «въ этотъ же день сталъ ходить», между тѣмъ какъ дотолѣ «лежалъ въ постели; сердечные припадки» исчезли, — «исчезла и боль въ боку, — прекратился жаръ; появился аппетитъ, улучшился сонъ»... Появились у всѣхъ надежды и на «полное выздоровленіе» больного и всѣмъ дорогого батюшки..., котораго во время его болѣзни обычно смущала мысль, что онъ беспокоитъ другихъ, отвлекаетъ ихъ отъ ихъ дѣла и пр., заставляя «ухаживать» за собою. Посему «ухаживавшимъ» за нимъ часто приходилось отъ него слышать: я васъ затруднилъ, — идите — «отдохните»!.. А между тѣмъ они вовсе не тяготились заботами о своемъ о. игуменѣ, «считая», наоборотъ, «великимъ» для себя «счастьемъ», что Господь удостоилъ ихъ ухаживать за великимъ старцемъ, и весьма радовались» тому, «что» въ это время «имѣли возможность слушать его душепасительныя наставленія», столь имъ дорогія и столь для нихъ цѣнныя. «Келойникъ» старца — «о. Никодимъ» и доселѣ «со слезами вспоминаетъ» о времени своей службы у о. Иерона. «Господи Боже мой», — говоритъ онъ, — «какой я счастливый, что сподобился быть при батюшкѣ неотлучно» въ теченіе «нѣсколькихъ лѣтъ! Никогда-то онъ не укорилъ меня ни въ чёмъ, — всегда и всѣмъ, былъ доволенъ», хотя «съ моей стороны иногда было и много упущеній» всякаго рода»...

И такъ, весной миновала опасность потерять о. игумена... Богъ спасъ его... ¹⁾.

Но уже ясно было, что дѣятельность о. Иерона, какъ игумена устроенной имъ обители, окончилась. Сознавалъ это и самъ онъ. Понималъ, что настала пора ликвидировать свои дѣла по управлению монастыремъ. Посему «26 апрѣля и по-далъ рапортъ въ Св. Синодъ», прося о назначеніи преемникомъ своимъ о. Иларіона, который, такимъ образомъ, могъ бы занять его мѣсто еще до смерти своего предшественника и, подъ руководствомъ послѣдняго, съ успѣхомъ начать свое управление обителью. Просьба о. Иерона была уважена. «Указомъ отъ 5 мая» 1912 г. «Св. Синодъ опредѣлилъ: 1) освободить старца, «согласно его просьбѣ, по преклонности лѣтъ и болѣзnenному состоянію, отъ должности настоятеля... монастыря..., съ оставленіемъ его въ обители старцемъ — духовнымъ

¹⁾ Ibidem.

руководителемъ братіи, на покоѣ; утвердить въ должности настоятеля... нынѣшняго намѣстника... іеромонаха Иларіона...—и 2), во вниманіе къ понесеннымъ архимандритомъ Іерономъ трудамъ по устроенію Ново-Аeonской обители и мудрому управлению оной, преподать ему благословеніе Св. Синода» ¹⁾).

«Во исполненіе» синодскаго опредѣленія «было совершено 11 іюня поставленіе о. Иларіона настоятелемъ» обители «съ возвведеніемъ его въ санъ архимандрита». «По окончаніи обряда Владыка» (еп. сухумскій Андрей), новый настоятель монастыря и «братія отправились въ покой о. Іерона». Послѣдній, «очень слабый, прерывающимся голосомъ поблагодарилъ Владыку» за его отношенія къ обители и къ нему—старцу «и просилъ быть и впредь отцомъ» ея, послѣ чего преподалъ наставление своему преемнику и братіи (блюсти «завѣты старцевъ—архимандрита Макарія и духовника іеросхим. Іеронима»—аеонскихъ, «твердо держаться чина старо-аеонскаго Пантелеимонова монастыря, хранить миръ между собою»...), «испросилъ у всѣхъ за все прощеніе» и поклонился въ землю. Это «прощаніе еле дышущаго, престарѣлаго, всѣми глубокоуважаемаго и любимаго игумена и духовнаго отца со своими чадами выпло очень трогательнымъ и у многихъ вызвало слезы»... ²⁾).

Отнынѣ о. Іерону осталось одно—«готовиться къ переходу въ вѣчность»... Трогательно описываются въ «Аеонской лѣтописи» ³⁾ послѣдніе дни жизни этого старца... «Послѣднія силы быстро угасали. Онъ уже никуда не выходилъ. Недѣли за двѣ до кончины... онъ не принималъ почти никакой пищи, только иногда могъ выпить полчашки чаю, да немного миндального молока.. Не задолго до» смерти своей старецъ «сталъ ежедневно пріобщаться Св. Христовыхъ Таинъ, отказываясь» уже отъ всего прочаго и лишь «изрѣдка употребляя одну св. воду»... О. Іеронъ нетерпѣливо ждалъ прибытія въ обитель преосвященнаго Андрея, который, наконецъ, пріѣхалъ «13-го» августа, чemu старецъ очень и очень обрадовался. «Истово осѣяя себя крестнымъ знаменіемъ», онъ все «повто-

¹⁾ Цитов. „выпускъ 10-й“ „Душепол. Собесѣдника“ за 1912 г. (окт.); „Аеонская Лѣтопись“.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Цитов. 12-й выпускъ „Душепол. Собесѣдника“ за 1912 г. (декабрь).

ралъ: слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!.. Епископъ немедленно же—«прямо съ пути навѣстиль» дорогого больного, который, чувствуя приближеніе своей кончины, «попросилъ Владыку прочитать ему отходную». Да и пора была: «всѣ, даже» наиболѣе энергичныя, «медицинскія средства становились уже бесполезны. Поговоривъ со старцемъ наединѣ, преосвященный прочиталъ канонъ на исходъ души и разрѣшительную молитву». Не имѣя возможности дольше оставаться на Новомъ Аeonѣ, онъ затѣмъ уѣхалъ въ Сухумъ. А больной старецъ въ теченіе «всего этого дня и слѣдующаго находился какъ будто въ полу забытьѣ, но замѣтно» все же «было, что и въ эти часы «его не оставляло молитвенное горѣніе духа, потому что иногда онъ истово крестился». «Утромъ 14-го августа» старецъ «пріобщился Св. Таинъ, вечеромъ выслушалъ вечерню и акаѳистъ Божіей Матери». Наканунѣ Успенія дня служилась въ обители торжественная всенощная... Былъ уже «одиннадцатый часъ ночи»... Старецъ съ минуты на минуту ожидалъ своей кончины и потому «сталъ просить, чтобы для него отслужили раннюю литургію въ Вознесенскомъ храмѣ, откуда въ его келью» продѣлано «слуховое окно... Но ему сказали, что еще нѣть полуночи» и что нельзя «совершать литургію». Посему онъ пріобщился «запасными Св. Дарами, передъ тѣмъ, по его желанію, одѣтый въ великую схиму и эпитрахиль». По пріобщеніи «Св. Таинъ, о. Иеронъ принялъ немного размоченного въ св. водѣ антидора, перекрестился, попросилъ снять» съ него «эпитрахиль и легъ въ постель. Духовникъ сталъ читать» обычныя «благодарственные послѣ пріобщенія молитвы» и «лишь только закончилъ *Нынѣ отпущающи*.., какъ «умиравшій старецъ едва слышнымъ голосомъ попросилъ опять посадить его на кровати».... и «въ такомъ положеніи» съ обращеннымъ «къ востоку лицемъ» и со «взоромъ», «сосредоточенно» устремленнымъ «на св. крестъ, бывшій въ рукахъ его духовника, о. Иеронъ тихо, мирно почилъ о Господѣ вѣчнымъ сномъ праведника... «Замѣтательно»,—прибавляетъ *Аeonская лѣтопись*,— «что и въ соборѣ на всенощномъ бдѣніи въ это время пѣли *Нынѣ отпущающи*... ¹⁾»

Не стало великаго старца, бывшаго душою созданной имъ обители, ея отцомъ, руководителемъ, хранителемъ... Съ его

¹⁾ Ibidem.

смертью стало какъ-то пусто, неуютно... Но случилось вѣдь неизбѣжное, съ чѣмъ приходилось мириться по необходимости и отъ чего никто изъ людей уйти не можетъ и не уйдетъ... Но все же грустно, грустно было сознавать, что не встанетъ болѣе этотъ столпъ православія, этотъ непреодолимый адамантъ,—что изъ усть его не услышать болѣе его пламенныхъ рѣчей въ защиту Христовой вѣры, въ обличеніе нечестія, безбожія, лжи, низкопоклонства...

Погребеніе старца совершено 18-го числа. Наканунѣ «преосвященнымъ Андреемъ было» отслужено «въ обители заупокойное бдѣніе». Въ день «погребенія «заупокойная литургія началась въ 6 ч. утра». Служилась торжественно преосвященнымъ же, при участіи «сонама священнослужителей». Всѣ, кто только узналъ о кончинѣ старца и кто только имѣлъ возможность прибыть въ обитель къ отпѣванію его, явились..., явились во множествѣ... и «русскіе», и «абхазцы»... Въ произнесенныхъ рѣчахъ (епискона Андрея, о. Иларіона и одного священника, о которомъ чит. ниже) краснорѣчиво выяснено было значеніе почившаго о. Іерона для обители, для всего края, убѣдительно раскрыто было, какую потерю съ его кончиною несъ Ново-Афонскій монастырь и пр. ¹⁾)

Но вотъ окончилась литургія, — окончилось отпѣваніе... «Гробъ съ останками почившаго быль обнесенъ вокругъ собора, и погребальная процессія, при чудной, ясной погодѣ, при неумолкаемомъ иѣніи *Святаго Боже*, сливавшемся съ грустнымъ колокольнымъ трезвономъ всѣхъ монастырскихъ храмовъ, длинною вереницею тихо двигалась масличнымъ садомъ, направляясь отъ нагорнаго монастыря къ нижнему, а оттуда къ храму св. Апостола Симона, близъ коаго на указанномъ самимъ о. Іерономъ мѣстѣ... напло вѣчное упокоеніе его пріутруженное многолѣтними» подвигами «тѣло».

¹⁾ Ibidem.—Въ моемъ распоряженіи—двѣ присланныхъ мнѣ рукописныхъ рѣчи: одна о. Павла Образцова и другая—о. архимандрита Иларіона. Написанныя съ чувствомъ, проникнутыя глубокою любовію ихъ авторовъ къ почившему—онѣ съ достаточнотою полнотою исчерпываютъ свои темы. Авторы, видимо, не только знали о. Іерона, не только понимали его дѣятельность, но и всячески старались, чтобы поняли почившаго и всѣ прочіе... Цѣли своей они достигли. При случаѣ благопріятномъ надѣюсь отпечатать ту и другую рѣчи, въ назиданіе всѣхъ любителей благочестиваго чтенія, въ поученіе ихъ... и въ память незабвенаго о. Іерона, всякая строка о которомъ должна быть дорога для всѣхъ, способныхъ оцѣнить этого необыкновеннаго дѣятеля и подвижника...

«Погребеніе окончилось въ 12 часовъ»... Старый Аеонъ, телеграммой извѣщеній о блаженной кончинѣ старца, именно Пантелеимоновъ монастырь «совершилъ соборную панихиду», повторенную «въ 9-й и 40-й дни памяти почившаго, чѣмъ и выразилъ по отношенію къ послѣднему заслуженное имъ вниманіе. Кромѣ того, «всѣ иноски обѣихъ обителей въ теченіе сорока дней на свое мѣсто келейномъ правилъ возносили о почившемъ заупокойныя молитвы» («по заповѣди старцевъ и уставу обители» Ново-Аеонской «правило это исполняется о каждомъ умершемъ изъ братіи»)... ¹⁾

Кончина о. Іерона глубоко опечалила всѣхъ его знавшихъ. Какъ только вѣсть о ней разнеслась по всѣмъ концамъ Руси святой, отовсюду горячо откликнулись на нее..., откликнулись люди всѣхъ званій, состояній..., направленій, настроеній.

Такъ, въ августѣ 1912 года о. архимандритомъ Иларіономъ были получены сочувственные телеграммы (по кончинѣ о. Іерона): изъ Петергофа отъ принца А. Ольденбургскаго и Его Супруги; изъ Киева—отъ митрополита Флавіана; изъ Москвы—отъ митрополита Владимира (нынѣ С.-Петербургскаго и Ладожскаго); изъ С.-Петербурга—отъ оберъ-прокурора Св. Синода—В. К. Саблера; изъ Тифлиса—отъ экзарха Иннокентія; изъ Ставрополя губерн.—отъ архіепископа Агаѳодора; изъ Калараша—отъ архіепископа Кипіневскаго Серафима; изъ Ессентукъ—отъ епископа Никона (нынѣ архіепископа, Члена Св. Синода); изъ Рязани—отъ епископа Димитрія; изъ Балты—отъ еп. Амвросія; изъ Тифлиса—отъ г. Архипова; изъ Новороссійска—отъ протоіерея Гофмана; изъ Гагръ—отъ г. Шульгина; изъ С.-Петербурга—отъ г. Рафаловича.

Въ телеграммахъ этихъ оплакивали о. Іерона, какъ «пастыря Церкви», «драгоцѣннаго совѣтника», «насадителя отечественной культуры», «великаго труженика», «настоящаго русскаго человѣка», «великаго старца», «дорогого отца», «подвижника», «всю жизнь, всѣ силы... отдавшаго на устроеніе святой обители», какъ «примѣръ трудолюбія», «великій столпъ монашества», «великаго ученика великихъ старцевъ», «выдающагося по уму и святости»... Его кончину считали «невознаградимою потерю не только для обители, но и для всѣхъ»..., для всего «православнаго міра», лишившагося такого «свѣтоноснаго земнаго ангела»... При этомъ нѣкоторыя

¹⁾ Ibidem.

лица посылали по три телеграммы, желая узнать о времени отпѣванія старца¹⁾...

Прекрасные строки посвящены о. Ерону въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (1912 г., № 35: статья *архиеп. Никона*, члена Св. Синода: «Вѣрный послушникъ Матери Божией»; его же статья въ № 36: «Кончина и погребеніе о. архимандрита Ерона»), въ «Кавказскомъ Благовѣстнике» (1912 г., № 11, статья: «Громадная потеря для русского монашества»; № 13, статья: «Кончина великаго Кавказскаго старца»), въ журн. «Воскресеніе» (1912 г., № 189; статья *Е. Поселянина*: «Два крестьянскихъ самородка») и во многихъ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Даже такія изданія, какъ газета «Петербургскій Листокъ», которая въ свое время (въ дни монашескаго съѣзда) пыталась²⁾ всячески уколоть о. Ерона (о немъ-де «прошлой зимой писали»,—читаемъ въ № 183-мъ «Листка» отъ 7 іюля 1909 г.,—«что онъ устроилъ у себя въ обители... казематъ, гдѣ держалъ неугодившихъ ему монаховъ по 40—60 и даже 90 дней на хлѣбѣ и на водѣ, заставляя спать на голомъ полу»...),—и тѣ по смерти старца отзывались о немъ похвалами необычайными (онъ-де былъ «великій труженикъ»: благодаря ему, «монастырь сталъ культурнѣйшимъ уголкомъ всего Черноморскаго побережья»; «что сдѣлано при о. Еронѣ, это какая-то волшебная сказка»; «молитва и трудъ—вотъ вся жизнь о. Ерона»; онъ былъ «удивительнымъ свѣтильникомъ вѣры, удивительно цѣльнымъ человѣкомъ»; «вѣра и непрерывный трудъ» его «въ буквальномъ смыслѣ слова сдвигали горы Кавказа» и т. д.: см. за 1912 г. № 225 отъ 17-го августа; статья *В. П—ва «Архимандритъ о. Еронъ»*). Это—во истину знаменательно и въ высшей степени краснорѣчиво!..³⁾

¹⁾ Текстъ телеграммъ напечатаю при благопріятныхъ условіяхъ когда-либо спеціально.

²⁾ Насколько помнится, рукою разстриги-священника.

³⁾ Но, конечно, напрасно было бы искать свѣдѣній объ о. Еронѣ въ такихъ, напр., изданіяхъ, каково: «Энциклопедический Словарь» Брокгауз-Эфрона. Смотрѣль я здѣсь подъ словомъ „Еронъ“, подъ словомъ „Гиеронъ“, даже подъ словомъ „Васильевъ“,—но—увы!—тщетно, а въ „сонахъ“, „бергахъ“ и пр. недостатка, конечно, не было. На то и русская Энциклопедія въ поученіе нашей публикѣ, выходящая нынѣ уже 2-мъ изданіемъ. О „Новомъ Аѳонѣ“ дано лишь нѣсколько не всегда вѣрныхъ строкъ (41-й полут., стр. 304. СПБ. 1897 г.)..., меньше, чѣмъ тутъ же по сопѣству (стр. 303—304) о никому ненужномъ „Новрузѣ“... Даже у г. Де-

Торжественно похоронили великаго старца. До самой могилы сопровождалъ его прахъ самъ преосвященный Сухумскій... Воздали почившему, словомъ, все, что только могли... Снова потекла въ обители обычная труженическая жизнь, подвижническая..., жизнь въ молитвѣ, постѣ... Быстро протекли и 40 дней...

Въ сороковой день по кончинѣ о. Иерона (т. е., 22-го сентября 1912 г.) въ обители было совершено торжественное его поминовеніе ¹⁾). Наканунѣ была отслужена заупокойная всенощная (съ 7 часовъ веч. до полуночи), а 22-го числа заупокойная литургія. Литургію совершали въ древнемъ храмѣ св. Апостола Симона Кананита, около котораго, какъ и сказано, погребенъ о. Иеронъ (въ разстояніи 7—8 аршинъ отъ южной стѣны). Епископъ Андрей, въ это время обозрѣвавшій свою епархію, прислалъ вмѣсто себя въ качествѣ представителя—Сухумскаго Каѳедральнаго Протоіерея о. Георгія Голубцова. Въ совершенніи литургіи участвовали: о. архим. Иларіонъ, о. Голубцовъ и 5 іеромонаховъ, а въ панихидномъ служеніи, кромѣ того, еще 13 іеромонаховъ.

Предъ панихидой о. Протоіерей сказалъ слово. Въ немъ ораторъ, хорошо знавшій почившаго старца за время свыше 17-и лѣтъ, ярко охарактеризовалъ его не только какъ ипока высокой и праведной жизни, но и какъ выдающагося человѣка вообще съ великой душой и необычайнымъ умомъ. Обративъ вниманіе слушателей своихъ на тѣ дивныя, грандіозныя, сложныя постройки и сооруженія монастырскія, какія возникли при о. Иеронѣ и вызываютъ удивленіе и восторгъ даже специалистовъ, о. Протоіерей выяснилъ, что все они—дѣло ума покойнаго настоятеля обители. Особо отмѣтилъ о. Протоіерей и пламенную любовь о. Иерона къ Старому Аѳону, воспитавшему иноческій его духъ,—къ великимъ Аѳонскимъ старцамъ—о. Иерониму и о. Макарію... Любиль, бывало, рассказывать о Старомъ Аѳонѣ о. Иеронѣ,—вспоминаль ораторъ,—

нисова (см. его „Православные монастыри Российской Имперіи“; Москва, 1908 г.) въ параграфѣ о „Ново-Аѳонскомъ“ монастырѣ есть рѣчь и о „пристані“, и о „медицинѣ“, и о „скотномъ дворѣ“, но ни-единаго слова объ основателѣ обители—о. Иеронѣ (стр. 367—369; хорошо, что здѣсь указана вѣкоторая литература о монастырѣ)...

¹⁾ Объ этомъ сообщаю на основаніи полученной мною собственноручной замѣтки о. Георгія Ст. Голубцова, прот. Сухумскаго Каѳедральнаго Собора.

говорить о великихъ Аеонскихъ подвижникахъ. Воспоминанія объ Аеонѣ—это была одна изъ самыхъ любимыхъ темъ о. Іерона. Разсказы, бывало, рѣкой льются изъ устъ старца... Слушаешь его и видишь, чувствуешь неотразимо, какъ любилъ онъ своихъ старшихъ, воля которыхъ была для него священна, какъ воля Божія... Какъ крѣпко хранилъ онъ и проводилъ въ жизнь завѣты старцевъ,—какъ крѣпко навыкъ онъ смиренію и послушанію!.. Изъ послушанія онъ покинулъ свою «родную» святую Гору Аеонскую, явился сюда—на Черноморское побережье, въ это дикое, безлюдное, отдаленное отовсюду мѣсто, гдѣ не было слышно не только ни одного русскаго слова, но и вообще человѣческаго голоса... Гдѣ нынѣ красуется величественная Ново-Аеонская обитель, тамъ, въ моментъ прибытія съ Аоона о. Іерона, росъ непроходимый дѣвственный лѣсъ и было обиталище лишь дикихъ звѣрей... Умѣлъ повиноваться батюшкѣ...—потому-то онъ умѣлъ и столь хорошо повелѣвать и управлять другими. Ново-Аеонская обитель, насчитывающая у себя до 600 человѣкъ братіи, вся—какъ одинъ человѣкъ—слушалась своего игумена безпрекословно. Безъ благословенія его насыльники обители не могли ступить и шагу. Здѣсь всюду—желѣзная монастырская дисциплина, все живеть по строгому аеонскому уставу... И только строгимъ исполненіемъ послѣдняго, т. е., устава монастырскаго, и можно объяснить столь быстрое и, можно сказать, небывалое въ лѣтописяхъ русской Церкви возрастаніе Ново-Аеонской обители, въ какихъ-нибудь 35 лѣтъ такъ расцвѣтѣй, украсившейся..., заслужившей такое уваженіе отъ всѣхъ, кто хоть разъ въ ней побывалъ...—удивительной въ лучшемъ смыслѣ слова... Всего этого батюшка о. Іеронъ достигъ не тѣмъ только, что онъ всегда былъ въ собственномъ смыслѣ настоятелемъ монастыря, а главнымъ образомъ другимъ средствомъ: тѣмъ, что самъ былъ *живою книгою* устава монастырскаго,—въ образѣ своей жизни онъ ни въ чемъ, ни въ одной іотѣ не отступалъ отъ этого устава. Настоятельствуя въ такой благоустроенной обители, онъ жилъ, однако, очень скромно, какъ простой монахъ: ходилъ въ самой простенькой черной ряскѣ, и ее не считая своею собственною, а лишь монастырскою, трапезовалъ всегда вмѣстѣ съ братіей и никогда не измѣнялъ этому обыкновенію. Даже когда посѣщали обитель іерархи и приглашали его съ собою откушать, и тогда онъ сначала, бывало, потрапезуетъ съ братіей и лишь потомъ явится на званный обѣдъ,—впротивоположность тому, какъ въ монастыре вѣтшаго времени, когда иерархъ, не съвѣтываясь съ братіей, съ собою откушалъ, а братію послалъ въ монастырь на трапезу.

чемъ, не для того, чтобы кушать, а—чтобы занимать дорогихъ гостей своими неистощимыми рассказами о жизни великихъ старцевъ Аeonскихъ... Каждый день, бывало, батюшка обойдеть своими старческими ногами всѣ мѣста, гдѣ производились какія-либо работы..., и при этомъ уже ничто не ускользало отъ его зоркаго ока... И наградилъ же Господь старца за его преданность своему дѣлу, за его подвиги...: на старости лѣтъ онъ утѣшался сознаніемъ, что его дѣло процвѣтало, что обитель—созданіе его рукъ—прославилась на всю Русь православную, стала извѣстна далеко и широко и, при томъ, съ наилучшихъ своихъ сторонъ. И идуть теперь сюда со всѣхъ концовъ нашей обширной родины православные русскіе люди, чтобы отдохнуть здѣсь душой, забыться отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ, помолиться въ обительскихъ храмахъ, гдѣ такъ уставно, такъ благолѣпно совершаются службы Божіи... Такъ говорилъ о. Голубцовъ... Въ концѣ своего слова онъ обратился къ братіи обители съ призывомъ крѣпко хранить, изъ любви къ почившему старцу, монастырскій уставъ и преданія Аeonскихъ старцевъ, не отступать отъ нихъ ни въ чемъ, даже и въ мелочахъ, твердо помня, что только уставомъ своимъ и своими Аeonскими порядками и крѣпка и сильна Ново-Аeonская обитель, что только ими она можетъ держаться и впредь...

Панихида была отслужена въ храмѣ св. Ап. Симона, а около могилы о. Іерона—литія...

Былъ чудный солнечный день. Вся могила была усыпана живыми цветами, принесенными сюда благочестивыми паломниками—духовными дѣтьми почившаго батюшки. Но вотъ сонмъ окружавшихъ дорогую могилу священнослужителей запѣлъ вмѣстѣ съ монастырскимъ хоромъ *«Вѣчную память...»* Получилось неизгладимое впечатлѣніе... Вѣрилось, хотѣлось вѣрить, что пока будетъ существовать Новый Аeonъ,—пока будетъ существовать на св. Руси монашество...—до тѣхъ поръ има о. Іерона—этого столпа современного иночества—будетъ вѣчно вспоминаться, какъ имя великаго подвижника и человѣка глубокаго ума. Вѣчная ему память!.. ¹⁾)

Пишу эти строки въ полугодовой день по кончинѣ великаго старца... Случайное совпаденіе..., но мнѣ оно не кажется

¹⁾) Здѣсь оканчиваются дамныя, сообщенные достоночтѣнныемъ о. Голубцовыми.

таковымъ. Я какъ бы вижу предъ собою тѣнь знаменитаго Ново-Аѳонскаго дѣятеля, память котораго—славную, достохвальную мнѣ привелось хоть немного почтить моими скромными страницами... Я выполнилъ долгъ, какой лежалъ на мнѣ по отношенію къ созидателю Кавказской обители...—лежалъ за тѣ часы глубокаго и полнаго духовнаго удовлетворенія, которые я пережилъ не разъ, читая и слышиа объ этомъ рѣдкомъ въ наши дни мужѣ... Хотѣлось бы подражать ему хотя бы отчасти,—хотя-бы лишь издали и робко идти по его пути...

Выросла Ново-Аѳонская обитель... на нашихъ, можно сказать, глазахъ. Выросли за это время на Руси святой и иныя обители... Пусть растутъ и другія, пусть еще и еще!.. А существующія да крѣпнутъ и расцвѣтаютъ..., сохраняя отеческія преданія, православную вѣру Христову,—защищая ее отъ наѣтовъ «вражескихъ», отъ слугъ діавола...—зажигая искру Божію во всѣхъ, кто съ ними—этими обиталищами иноческими—входитъ въ соприкосновеніе!.. Пусть въ нихъ отдыхаютъ обремененные житескою суетою и невзгодами мірскими души...—пусть набираются въ нихъ силъ и энергіи для жизненной борьбы!..

О, какъ хотѣлось бы побывать на Новомъ Аѳонѣ и поклониться священной могилѣ, скрывающей прахъ великаго старца! Посмотрѣть на знаменитую обитель..., помолиться въ ея храмахъ!.. Но придется ли?!..

Профессоръ А. Бронзовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки